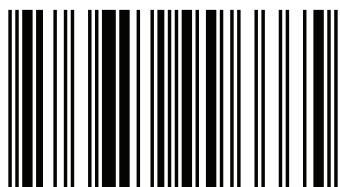

Кукла с дефектом

Еще Пауло Коэльо отмечал, что великая цель всякого человеческого существа - осознать любовь. Любовь - не в другом, а в нас самих, и мы сами ее в себе пробуждаем. А вот для того, чтобы ее пробудить, и нужен этот другой. Вселенная обретает смысл лишь в том случае, если нам есть с кем поделиться нашими чувствами. В то же время можно вспомнить и другие, не менее любопытные высказывания на этот счет. Так, Агата Кристи утверждала, что влюбленный мужчина представляет из себя жалкое зрелище. А Жорж Санд была уверена в том, что мужчина, который умно говорит о любви, не очень влюблен. И как тут не вспомнить Оноре де Бальзака, который называл любовь удивительным фальшивомонетчиком, постоянно превращающим не только медяки в золото, но нередко и золото в медяки. Свою трактовку некоторых граней взаимоотношений мужчины и женщины - не всегда серьезную - дают и персонажи данного сборника ироничных заметок. Насколько они правы - судить читателям.

Более сорока пяти лет, отданные журналистике в студенческой ("Советский инженер"), заводской ("Трактор"), городской ("Вечерний Минск"), отраслевой ("Союз Предпринимателей") и центральной ("Звезда") белорусской прессе, подарили автору немало встреч с разными людьми, впечатления от которых легли в основу этих ироничных строк с романтическим уклоном.

978-3-659-99666-5

YAW publishing

Борис Залесский

Кукла с дефектом

Ирония с романтическим уклоном

Борис Залесский

Кукла с дефектом

Борис Залесский

Кукла с дефектом

Ирония с романтическим уклоном

YAM Young Authors' Masterpieces Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

YAM Young Authors' Masterpieces Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

OmniScriptum Publishing Group

Contact: ICS Morebooks! Marketing SRL, 4, Industrialia street, 3100 Balti, Republic of Moldova

Email / электронная почта: info@omniscryptum.com

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-659-99666-5

Copyright © Борис Залесский

Copyright © 2017 OmniScriptum Publishing Group

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2017

Оглавление

Вечерний моцион	3
Накануне.....	5
Когда кругом весна	6
С тобой и без тебя	7
Забытая пешка	8
Самоуверенный	10
Несчастливая любовь.....	11
На периферии.....	13
История любви	15
Топорное счастье.....	17
Треснувший графин	19
Клубничка	21
Снежинка.....	23
Свечи.....	27
Наблюдательный	29
Сон	31
Признание	33
Из студенческой практики	35
Строительный романс.....	36
Непробиваемый	39
Знакомство	42
Друг.....	45
Волшебная сила искусства	46
Места знать надо!.....	48
Сервис.....	50
Жених	54
Не успели	59
Премия.....	61
Аромат сирени.....	63

Расставание	65
Поездка	67
Кукла с дефектом	69
Взаимопонимание	72
Любимая.....	74
Есть хочется!.....	77
Возвращение	79
Надпись на сосне	83
Сиамские близнецы.....	87

Вечерний моцион

Бухгалтер Петр Степанович Пыжиков – человек скромный. Об этом говорят все, даже его жена Клавдия Ивановна...

В тот субботний вечер Петр Степанович как обычно погулял по всем каналам своего “Горизонта”: почмокал языком, увидев новую прическу давно знакомой дикторши, хихикнул при виде обезьянок, посмотрев “В мире животных”, потянулся и зевнул, оценив игру футболистов высшей лиги, и лег отдохнуть – почитать судебный очерк “Известий”...

– Я вот думаю, Петик, скучно так жить, – устраиваясь рядом с мужем, проговорила Клавдия Ивановна. – Одна забава, что телевизор.

– Гм...

– Транспорт какой-нибудь приобрести, что-ли? Вон, у Пузыревых мотоцикл. Сели и поехали. Вот тебе и развлечение, вот тебе и выходной. А? Петюнчик!

– Гм...

– Конечно, мотоцикл – это не самое лучшее. Если дождь или еще что-нибудь такое, не завидую я тогда Пузыревым...

– Гм...

– Точно. Лучше уж автомобиль. “Жигули” там какие-нибудь. Тогда в любую погоду ехать можно: и в снег, и в ветер. Вот как у Пироговых. А? Петюля!

– Гм...

– Это ты правильно про гараж вспомнил. Горя тут натерпишься, но ничего... Представляешь, выезжаем мы с тобой вот в такой субботний вечер на этих, на “Жигулях”... И на людей посмотреть можно, ну, и, между прочим, себя показать. Не то, что век возле этого телевизора торчать.

– Гм...

– Это ты опять-таки правильно заметил. Водители, они всякие бывают. Особенно эти лихачи. Вон сколько аварий... Страшно подумать... Да и машины сейчас, говорят, не очень надежные...

– Гм...

– Вот именно. Зачем нам эти “Жигули”? Крути баранку и все... И с гаражом хлопоты. Не-е-ет. Ну, что от нее пользы – от этой дуры четырехколесной? Только что сел и поехал. И все... Уж лучше мотоцикл. И хлопот меньше, и цена подходящая.

– Гм...

– Я понимаю тебя, Петюнчик. Мотоцикл – тоже техника. Хлопот с ним вон сколько. Пузырев как купил, так и не просыхает от грязи.

– Гм...

– Вот это правильно!... Куда нам надо ехать? Зачем? Что, нам здесь плохо? Сиди себе, смотри телевизор. Захотел газетку почитать – читай. Ни пыльно, ни душно.

– Гм...

– У-ух! Умница, ты моя! – Клавдия Ивановна наклонилась и звучно чмокнула мужа в лоб. – Петушок, ты мой!

Петр Степанович лениво отложил газету, повернулся на бочок и заснул.

Вечерний моцион закончился...

1974 г.

Накануне

Вагон был переполнен. Все спешили на праздник. Спешили поздравить.

– Как время летит, батюшки! – произнес сухонький старичок у окошка. – Кажется, совсем недавно своей Груне вот таких сомов дарил. А сейчас?

В банке из-под огурцов грустили три карасика.

– Тоже мне подарок, – пробубнил здоровый мужик за спиной старика. – Рыбки, карасики. Я вот своей мясорубку купил. Во, обрадуется.

– Моя бы меня этой же мясорубкой, – послышался голос из-за развернутой газеты, потом появились очки и усы с маленькой бородкой. – Я вот везу замечательную шубку. Может, порадуетя.

– Если чему и порадуетя, так только успехам по работе, – кто-то в середине вагона хлопнул себя толстой папкой. – Вот отчет сдал. Так это действительно подарок.

– Точно. Я вот вчера два гола забил...

– А мы новый элемент открыли...

– Новую роль вчера исполнил. Посвятил ей...

– А я роман закончил о чистой и нежной любви. Тоже о ней.

– У нас новый ураган родился, назвали «Любимая».

В движение пришел буквально весь вагон. Молчал только я, боясь пошевелиться, потому что мой подарок был самым лучшим – цветы. Красивые и нежные...

1975 г.

Когда кругом весна

Это была настоящая весна. Солнце золотистым светом залило оживающие деревья. По стволам берез катились блестящие бусинки сока.

– Посмотри, какое солнце! Какое небо! Какие деревья! – я взял ее руку и протянул к солнцу.

– Ничего особенного. Самый естественный процесс образования хлорофилла, – она внимательно посмотрела на березу и осторожно вынула руку из моей. – Это еще в школе проходят.

– Ну и что? Посмотри, какой замечательный воздух! Как он пьянит!

Она осторожно шмыгнула носом:

– Ничего особенного. Повышенная концентрация озона в окружающей среде. Вот и весь фокус.

– При чем здесь концентрация, – я снова взял ее за руки. – Я чувствую тепло твоих рук. Как это прекрасно, правда?

– Тепло говоришь? Чему же здесь восхищаться? Ответная реакция организма на повышение температуры и влажности воздуха: выделение пота...

Я закрыл глаза. Потом открыл.

– Ты знаешь, что такое любовь?

– Это процесс, возникающий...

Я ойкнул. Она взяла меня за руку:

– Что с тобой?

Я беспомощно огляделся. И, о чудо! Выход был найден.

– Посмотри, как интересно гравитация влияет на конфигурацию облаков в северо-западной части небосвода...

Она впервые улыбнулась, и я увидел, какие у нее голубые, словно пламя неотрегулированной газовой горелки, глаза...

1975 г.

С тобой и без тебя

Он медленно переворачивал страницы...

Он отчетливо видел ее огромные голубые глаза, как само море, чувствовал горячий запах шашлыков и соленый морской воздух. Волны, подбегая, нежно окатывали их, веселых и возбужденных, искрящихся пеной и, словно извиняясь за неожиданность, убегали обратно, далеко-далеко в море. А он, улыбаясь, поворачивался и долго-долго смотрел в ее глаза...

Он перевернул страницу.

...Они неслись на гладкоскользящих лыжах с самой вершины, а вокруг лежал горящий в солнечных лучах, удивительно мягкий, чем-то манящий снег, который так хотелось разрезать своими острыми лыжами на равные чистые поля. И у них это получалось. И тогда он, улыбаясь, поворачивался и долго-долго смотрел в ее глаза...

Он перевернул страницу... «Оглавление»... Все. Учебник физики был изучен.

1975 г.

Забытая пешка

Ах, как она всем завидовала! Она стояла на самом краю доски, но все отлично видела. Она видела, как красиво стояли в центре доски ее сестры – центральные пешки. О лучшем, кажется, и мечтать нельзя. Как их смело брали под свою защиту красавцы-слоны, не жалея самих себя, ловко парируя угрозы ужасно страшных черных коней. Она видела, как пешки кололи своими взглядами пугливого черного короля, который, может быть, поэтому, быстренько рокировавшись в угол, отчаянно кричал оттуда: «Все, все в центр!»

Ах, как она всем завидовала! Изредка, чтобы получше рассмотреть происходящее на доске, она перескакивала на клеточку вперед. Нет, она не то, чтобы обиделась. Про нее просто все забыли. И она отлично понимала, что есть дела в принципе поважнее, чем в этот момент заниматься ею.

Ах, как она плакала, когда красавцы-слоны не смогли все же защитить ее сестриц – центральных пешек от этих ужасно гадких черных коней. Чтобы получше увидеть эту сцену, ей пришлось перепрыгнуть еще через несколько клеточек. Она видела, как побелел и без того белый ее король, как нахмурилась прекрасная ферзь.

Ах, как она хотела сделать для них что-нибудь сейчас. И она смело прыгнула вперед еще на одну клетку. И, о! свершилось чудо. Стан черных пришел в замешательство. По лагерю пронесся предательский панический шепоток: «Проходная! Проходная!» Ладьи в ужасе заметались по восьмой горизонтали. И без того перепуганный черный король спрятался за бастион своих верных пешек, не пуская к себе никого, даже очаровательную черную ферзь. Хотя она впрямь была весьма мила...

И только кони – какие противные! – бросились на белую забытую всеми пешку. Она видела, как они храпели, взмыленные, в пене, предвкушая легкую добычу. Ей по-настоящему стало страшно. Она видела, что свои – далеко позади и помощи не дожидаться. И она решилась. А что было делать? Она бросилась вперед, еще дальше. Она слышала, как буквально за нею цокнули

подковы. Бр-р-р! Она зажмурилась. Но ничего не произошло. Она обернулась. Кони в ужасе дрожали перед нею. К ней подскочили белые красавцы-слоны.

– Наша прекрасная ферзь, – и они послушно склонили головы перед нею. Она была удивительно красива. Как и всякая забытая пешка, одевшаяся вдруг в королевский наряд. Черный король от восхищения согнулся и не смог выпрямиться. Он сложил свои полномочия, А, значит, пришла победа. Это было лучшим выходом из создавшегося положения, так как белый король был удивлен не менее. Приятно удивлен. И даже бочком-бочком успел сделать к ней несколько шагов. Победа была лучшим выходом. Иначе, кто знает, как и кому улыбнулась бы фортуна. Двум ферзям всегда тесно при одном короле...

1975 г.

Самоуверенный

Он был горд собой. Чрезвычайно горд. Даже высокомерен. Он знал, что очень красив.

Белый Конь стоял на своем месте на краю доски и млел от гордости. Он еще не сделал ни одного хода, но это заботило его меньше всего. Когда сам ослепительно красив и знаешь об этом, окружающее всегда выглядит бесцветным и серым.

Конечно, у него была своя цель. Черная Королева еще в начале партии бросила в стан белых несколько острых взглядов. Нет, она не могла не остановиться на нем. А как она прекрасна! Тайком от других Белый Конь восхищался ею, находил ее более красивой, чем... Нет, нет, лучше не говорить, еще услышит Белая Королева. Что делать, ему всегда нравились брюнетки. В конце концов, среди врагов тоже попадают красивые фигурки.

Чем больше он думал о Черной Королеве, тем больше она нравилась ему. Как она остроумна, распутывая все комбинации белых.

И он не выдержал. Он рванулся к ней. Он был уверен в себе, в своей неотразимости. Он летел к ней навстречу и даже заметил, как она покраснела. Может быть, ему это только показалось? Не это было главное. Главное, что через пару ходов они уже стояли рядом. И он, честно говоря, смотрелся совсем не хуже Черного Короля. Как он хотел сказать ей что-нибудь ласковое! Но...

– Он был слишком самоуверен, – сказали Белые Пешки, эти известные сплетницы королевского двора. А они всегда знали, что говорили. Впрочем, ему и без этого было гадко. Как она с ним обошлась! Она попросту сбила его как какую-нибудь завалившуюся фланговую пешку...

«В каждой партии – одно и то же, – уныло думал Белый Конь, валяясь в коробке из-под шахмат. – Никогда не поймешь, что у этих женщин на уме».

И он был по-своему прав.

1976 г.

Несчастливая любовь

Несчастливая любовь всегда привлекает к себе внимание. Почему? Потому что это может быть с каждым. Но не каждый может снести этот тяжелый крест своей судьбы. Так что лучше набраться чужого опыта, чтобы не иметь своего...

С самого начала они были обречены.

Любовь красавца белопольного слона к ферзевой пешке, наверняка, имела ответ. Только слепой мог бы не увидеть всего благородства слона. В глубине души им восхищались все, даже королева.

Но что он нашел в этой замарашке? Изящество форм, красоту линий? Абсурд! Пожалуй, еще на фабрике изделий для спортивных игр позаботились, чтобы об этом никто и не думал. Пешка есть пешка. Наверное, так рассуждали там, утверждая эскизы форм шахматных фигур. И совершенно забыли, что пешка тоже когда-нибудь захочет кого-то полюбить и быть любимой.

Но ведь правильно говорят, что любят не за красоту форм, а за красоту души. Трудно сказать, когда слон понял эту несложную истину. Наверное, еще в дебюте, когда он бросился защищать ее в центре доски. По крайней мере, с течением партии все хорошо почувствовали, как крепнет их дружба. А может быть, и любовь. Различия между этими понятиями всегда вызывали массу споров, как и тогда. Об этом сплетничал весь королевский двор.

Но они ничего не слышали. Ей было удивительно приятно, что слон – такой сильный, красивый, стройный, что он стоит рядом с нею. Не просто стоит, а защищает ее. Может быть, здесь и кроется разгадка самого чувства любви – это чувство благодарности. Он тоже чувствовал свою силу и видел, как беззащитно это хрупкое создание, которому так нужна была его помощь. И это тоже могло быть разгадкой самого чувства любви – ощущение надобности другим.

Шахматная судьба – одно из самых капризных явлений на свете. Никогда не знаешь, что тебя ждет через несколько ходов: победа, поражение, слава,

позор. Они прочно забыли про все это. Потому что были вместе, и вместе с ними была такая серьезная штука как любовь.

Фортуна никогда не прощает равнодушия к себе. И они попали в переплет. Им бы стоять где-нибудь на краю доски и ворковать вдаль от всех. Но судьба распорядилась по-своему. Черные пошли ва-банк, решив через центр взломать позиции белых. И эта парочка на передовой линии уже давно мозолила им глаза. Их окружили едва ли не со всех сторон. Но как дрался слон! Сюда стянулись едва ли не все силы черных. Но слон был счастлив. Искусен. Смел. Вот что может сделать настоящая любовь с каждым из нас. Он был неуязвим. Но и враг был слишком многочисленен...

Это – грустная история. Слон был отдан в жертву. Стянув к себе все войска черных, он дал возможность белым зайти к ним с флангов и в итоге одержать великолепную победу.

Но разве может даже этот столь радостный миг победы уменьшить поток слез у вдруг отобранной любви. Пожалуй, даже наоборот...

1976 г.

На периферии

Этот дебют Белый Конь не любил больше всего. Злая судьба шахматной партии уже на четвертом ходу загоняла его на самый край доски. Проще говоря, не периферию. Здесь ему, такой широкой и деятельной натуре, отводилась роль наблюдателя, да те несколько полей, которые он должен был контролировать.

Что он мог поделать, если основные события разворачивались в центре доски, где фигуры шли лоб в лоб, сметая все на своем пути, где стройные ряды пешечных цепей то и дело рассыпались под ударами прямой наводкой мощных ферзей и ловких слонов. Разве можно так отличиться здесь, на периферии, когда перед тобой и противника-то нет приличного. Так, мелочь всякая. Чтобы не потерять в этом вынужденном бездействии боевой хватки, Белый Конь изредка «съедал» пешку-другую черных.

«Нет. Так героем не станешь», – думал он и отчаянно завидовал своему братцу с королевского фланга, который уже врзался в самый центр боевых действий и отчаянно рубил копытами наседавшего врага.

Белый Конь еще раз осмотрел уже порядком надоевший ему ферзевый фланг и убедился, что делать ему здесь практически нечего. Единственная оставшаяся в живых пешка черных только усиливала в нем чувство собственной бесполезности и абсолютного бессмыслия своего существования. «С кем дерусь, – думал Белый Конь, сбивая и эту последнюю пешку ферзевого фланга черных. – Стыдно даже кому-нибудь рассказать».

И ему стало так не по себе, что он даже расхотел смотреть в центр. Он повернулся к шахматным часам, которые жили своей философски размеренной жизнью. Белый Конь даже не почувствовал – настолько тихо за его спиной прошуршали и унеслись вперед три маленькие тени – пешки ферзевого фланга белых. На голом краю противника им стало вдруг очень вольготно. Не слышал Белый Конь и того, как по рядам черных пронесся крик ужаса: «Три приходные на ферзевом фланге!» Через пару ходов Черный Король уже подписывал акт о

капитуляции своего войска. Иного выхода у него не было. Проходные пешки белых уже стояли на седьмой горизонтали...

Да, пешек поздравлял сам Белый Король и награждал их чем-то приятным. За их очевидное мужество и отвагу. Не каждая пешка может пройти за партию все шахматное поле, а здесь их сразу три.

Белый же Конь не переставал клясть фортуны за такое невнимание к нему и в душе добросовестно просил, чтобы судьба больше не даровала ему таких неудачных дебютов, как сегодня. В котором он так и не смог по-настоящему отличиться.

1976 г.

История любви

Он стоял в классической позе влюбленного под ее балконом и плел классическую тираду о своих чувствах к ее классическому облику красавицы. Вместо классической для таких моментов гитары у него в руках был классический справочник формул по высшей математике и физике. Все верно. Времена меняются. И это всегда накладывало свой отпечаток на взаимоотношения между людьми. За что раньше сжигали, сейчас прилично платят. И наоборот.

Он, видимо, порядком надоел ей, отчего окно было наглухо закрытым.

– Ни один из законов не может сравниться по своей гармонии с этим удивительным созданием. Даже первый закон Ньютона, – говорил он прохожим, и они понимающе кивали ему головой.

– О! Если бы она знала, как она напоминает мне теорему о непрерывности функций. Любовь ведь тоже непрерывна... Настоящая любовь. И в экстремальных значениях она также мало меняется как параболическая функция. Моя парабола! – и он в исступлении закрывал глаза.

Что поделаешь, он был поэтом. Только в своей области. И он начинал читать:

Я приду, как гипербола, ласковым,
И суровость, как соль аксиом,
Интегрирую вечными красками,
Мир окрасивших в формульный ком.

Он заглядывал в справочник формул и продолжал:

Я – не косинус, я – не изменчив,
Я – не тангенс, к оси не уйду...

Какие он читал стихи! Чудо! Ни один компьютер не выдержал бы таких страстных, логически выверенных признаний. Но только не женщина...

Как это ни странно, она не могла его понять. Что он парень с головой. Что он студент только сегодня. А ведь это так важно осознать вовремя. Особенно в таких ситуациях.

Он грустно смотрел на закрытое окно и с досады кусал себя за локти. Как часто он это делал в детстве, когда его не понимали...

1976 г.

Топорное счастье

Как прекрасно было это утро в лесу! Ели, сосны, березы, перемешавшись самым невероятным образом, сплетались своими ветвями в причудливые кружева. Весеннее солнце высвечивало в деревьях многообразие узоров и форм.

Они были потрясены.

– Это – невероятно! – сказал он.

– Это изумительно! – сказала она.

Им было хорошо. Вместе. В такое утро. В лесу.

– Посмотри, на ветвях еще остались капельки ночи, – он резким движением руки выломал красивую березовую ветвь и поднес ей. – Посмотри, какие они прозрачные.

– Это, наверное, сок, – ее восхищению не было предела, и ему от этого было вдвойне приятно.

– В этом напитке собраны лучи щедрого весеннего солнца, – он вытащил большой охотничий нож и сделал глубокий срез на березе. Показались две-три капли. Она, зажмурившись, прильнула губами к дереву.

– О! Это – чудо! Посмотри, какое высокое, красивое дерево. У него такой чудесный сок.

Ее взгляд обжег его сердце.

– Я заберусь на самую вершину, – он не мог спокойно стоять, так билось его сердце. И он бросился к березе. Все попадавшееся ему на пути трещало и ломалось. Нет, невозможно остановить благородного порыва человеческого сердца. Наконец, затрещал ствол березы. Он быстро слез.

– Ты – сильный и смелый, – потрясенно сказала она, протянув ему руки. Ствол березы все же не выдержал и упал рядом с ними. Он ласково поднял его и бросил в кусты.

– Ты – нежный, – она провела рукой по его волосам.

– Хочешь, эта ель будет стоять под твоим окном, напоминая тебе каждое утро этот удивительный миг, – сказал он и вытащил топор.

– Напоминая тебя, – умиленно прошептала она.

Он решительно двинулся к ели. Ель не шелохнулась. Он еще раз оглянулся. Мотопилы нигде не было. Зато рядом была она. И он, крикнув, занес топор над головой...

1976 г.

Треснувший графин

(Сказка)

У них никогда не было конфликтов. По той простой причине, что они никогда почти не разговаривали друг с другом. Графин был очень толстым и гордым. Сами понимаете, каково стоять перед целыми собраниями или конференциями. Невольно загордишься. Вода же чаще всего не успевала даже рта открыть, как попадала в другой, чужой рот. Но однажды...

Без такого «однажды» не обходится ни одна мало-мальски уважающая себя сказка. Так вот, однажды зимой их оставили в плохо отапливаемом помещении на целую ночь вдвоем.

Графин уже был готов уснуть, как услышал, что вода что-то проговорила. В принципе, ничего удивительного, но для него это было в новинку.

– Ты чего? – удивленно спросил он.

– Чего, чего! Он еще спрашивает, – воду явно забыли сменить, и от этого она была ужасно едкая.

– А что? Нельзя спросить. Я ведь графин. Имею я право узнать, что там происходит у меня внутри.

– О-ох! Как ты мне надоел! Эти противные толстые бока. Стекланный чурбан.

– Чем тебе не нравятся мои бока? Бока как бока. Говорят, даже красивые. Как их осторожно трогают, чтобы налить в стакан содержимое их. Не понимаю я тебя.

– Тебе этого никогда не понять. Ты – стеклянная колода. Тебя поставили – стой. Ты и доволен.

– Правильно. Было бы глупо требовать чего-нибудь большего.

– Вот видишь – ты застывшая форма. Ты заостенел в своем развитии.

Упреки относительно нашего развития всегда чрезвычайно неприятны. Такому гордому графину, как этот, упрек был неприятен вдвойне.

– Гм. А ты? Ты на себя посмотри!

– Я! – вода прямо заплескалась от восхищения собою. – Я! Разве ты не видишь?... Я – само движение. О! Если бы не твои застекленевшие бока, я бы парила как сама фантазия. Тебе не понять этих высоких мгновений свободного полета. О-о! Как я страдаю! Мне душно... А-ах! Пить!

– Странно, выходит, тебе не нравится спокойно сидеть во мне и ничего не делать.

– Боже мой! Он еще что-то говорит! Молчи, молчи, несчастный. Не увеличивай моих страданий. Вот видишь, я даже начинаю застывать, как ты, от бессилия выбраться отсюда, из этой темницы. Ах, мне даже не хочется ударить волной по твоим ужасным стенкам.

Несмотря на свою заостренную натуру, графин еще мог как-то разделить горе с ближним. Чувство, что он является источником чьих-то неисчислимых бед, было невыносимым. И он не выдержал.

Он треснул, пытаясь дать волю этому хрупкому, свободолюбивому созданию внутри его.

...Утром пришли люди.

– О-о, черт! Сколько раз вам повторять: не оставляйте воду в графине на свежем морозе, – один из них был очень взволнован.

– Ерунда. Спишем, – спокойно ответил другой и выбросил треснувший графин в мусорное ведро.

1976 г.

Клубничка

(Сказка)

Как хорошо им было под лучами такого яркого, щедрого и нежного солнца! На грядке у них была самая что ни на есть веселая компания. Все клубнички были только-только созревшими красавицами, от которых просто невозможно было отвести взгляд. Они и сами где-то в глубине души чувствовали нечто подобное, хотя им и некому было рассказать об этом.

Однажды их увидел кто-то большой, совсем неожиданной формы – человек. Увидел и сказал:

– Вот это да!... Какие красивые... Целое королевство, – и нежно взял одну из клубничек на руки. И очень долго разглядывал ее влюбленным взглядом. Как ей в это время завидовала вся грядка!

Молодого человека нашли восхитительным. Многие клубнички тоже не пожелали оставаться в тени. И стали осторожно выглядывать из-под своих надежных укрытий – резных зелененьких листочков...

Но одной клубничке – самой красивой – молодой человек все-таки не понравился. Это и понятно. Каждый ждет и нуждается в достойной паре. И клубничка решила, что ее час еще не пробил. И она только еще лучше спряталась в хитросплетении листьев.

– Дурочка, красивее не будет, – говорили ей подружки и, глядя на ее отрешенный вид, иронично добавляли. – Ну, жди, жди...

Приходили новые люди. Ласкались к ее подружкам и забирали их с собой. Она провожала их своим безучастным взглядом, совершенно не жалея о своем одиночестве, о своем упорстве. Она ждала. И дождалась.

Через несколько дней пришел Он. В это трудно было поверить, но это был Он. Клубничка даже несколько мгновений не шевелилась, боясь спугнуть этот сон наяву. И лишь спустя какое-то время осмелилась выглянуть из-под листьев и посмотреть в его глаза.

Молодой человек был чем-то очень рассержен. Он медленно осмотрел всю грядку. Недовольно поморщился. Покрутил головой.

– Черт возьми, позже я не мог здесь появиться...

Его раздражительность еще более усилилась, когда возле самых своих ног он увидел крупную, перезревшую до синевы клубничку.

– Какая гадость, – сказал он и, не долго думая, сбил ее ногой. Клубничка отлетела довольно далеко, так что растоптать ее у него уже просто не хватило желания.

Ей оставалось только благодарить судьбу, что над ней уже никто не мог посмеяться. На этой унылой осенней грядке...

1976 г.

Снежинка

(Сказка)

Нельзя сказать, что наша Снежинка была глупой, ничего не понимающей дурочкой. Совсем нет. Но так уж получилось, что произошла с нею весьма печальная история, которую нам сейчас хотелось бы рассказать, но которая ни в коей мере не показывает нашу Снежинку в дурном свете. Просто так уж получилось, что финал этой истории оказался печален для нее. Но как знать, всегда ли такой конец ждет всех тех, кто будет следовать по стопам нашей Снежинки. Я бы не хотел здесь зарекаться, потому что жизнь есть жизнь, а история, происшедшая с нашей Снежинкой, только одна совсем крохотная капля в полноводной и бурной реке, называемой Временем. Итак, слушайте сказку о Снежинке...

Ох, и красавицей же она была! Настолько гармонично и геометрически правильно располагались все ее причудливые узоры. Трудно было отвести от нее взгляд. Тем более, что Снежинка была еще совсем молоденькой и только-только выходила из возраста, в котором витание в облаках является делом обычным, наиболее важным и необходимым. Она еще не чувствовала неумолимого бега времени, настолько красива она была, а, значит, и не ставила перед собою обязательного жизненного вопроса: «Что же дальше?»

Она смеялась над снежинками, которых пугал завтрашний день. «Что может быть завтра? Полет! Разве есть что-либо на свете прекраснее свободного полета?»

Ее только насмешил рассказ о страшном ветре, а в судьбе снежинок именно он играет роль судьбы, который буквально несколько дней назад, да и раньше за ним это водилось, забросил несколько снежинок в такие места, в такую грязь, в такое болото, что и представить страшно.

– Интересно, – со смехом говорила наша Снежинка своим пугливым подружкам, – почему в это болото попали они, а не вы? Почему?

В ответ подружки мямлили что-то о неизбежности и их конца где-нибудь в грязи, только не сейчас, а немного позже. И только одна, уже солидно обросшая инеем снежинка, грустно улыбнувшись, наставительно сказала:

– Запомни, моя радость, одно хорошее правило: держись середины! И второе: ищи теплое местечко где-нибудь там, – и она указала на далекую, совершенно закрытую облаками землю. – Пока есть силы – высматривай. И держись строго по ветру. Только тогда тебя обойдет участь периферийного прозябания на белом свете.

«Вот это номер», – подумала наша Снежинка, увидев, как еще больше покрывшись инеем, ее умная подружка понеслась к земле, с большим искусством придерживаясь середины и умело лавируя в потоках ветра. Курс на столицу был очевиден.

То ли возраст нашей Снежинки уже приблизился к критическому, когда невозможно отличить, что это: зрелость юности или юность зрелости; то ли ее тронул пример старшего товарища, но слова умной подружки запали ей глубоко в душу. Она словно заново открыла для себя мир.

«А ведь верно, в самую точку сказано», – думала она, вспоминая обрывки разговоров, которых она раньше не понимала, но которые сейчас стали для нее совершенно ясными.

– Наш-то уже пригрелся! Да-а, в столице!

– Ай-яй-яй, молодец! А вот у нас горе! Шла первой, а занесло в такие места!

– Глупо! Нельзя противопоставлять себя коллективу. Первый! Пионер! Все выскочки!

– Да-а, это сушая правда!

«Так, значит, полет не вечен? Зачем же он тогда нужен? Если все кончится завтра или через неделю? Зачем? – ах, как неприятны были эти новые мысли нашей Снежинке. – Не лучше ли, действительно, сидеть и ждать? Так хоть время идет медленнее. Так, значит, ждать? А если и ждать, то в наиболее комфортабельных условиях».

Кажется, она уже начинала понимать глубины житейской мудрости. И в который раз удивлялась изумительной афористичности своей умной подруги, сумевшей всего в несколько фраз уложить столько мудрых мыслей.

Наверное, все, кто знал нашу Снежинку, заметили произошедшие с ней перемены. Когда-то она неугомонно носилась среди облаков, еще более совершенно оттачивая в потоках ветра красоту своих узоров. Сейчас же она отрешенно висела, уцепившись за краешек облака, и сосредоточенно думала о завтрашнем дне. Она уже не замечала, как ее когда-то изумлявшие всех узоры стали покрываться слоем бурого инея.

«Неужели старость? – с удивлением думала она, иногда просыпаясь от своих мыслей. – Неужели все так быстро?»

И она все сильнее чувствовала, как становится тяжелой и вялой.

«Что же мне делать? Следовать общему правилу или ...»

Иного выхода она не видела. Да уже и не очень-то хотела видеть. Выход был один-единственный, давно predetermined жизнью. И она решилась. Благо, у нее еще оставалось и сил, и умения, чтобы ринуться в бездну ветра.

«Что же, я не буду хуже других, – сказала она себе, ловко перебираясь с одной волны ветра на другую. – Чего-чего, а тепленьких мест в столице еще хватает. Нет, я не буду хуже других».

Вынырнув из-за облаков и присмотревшись к земле, она заметила место будущей остановки: «Это, пожалуй, то, что мне нужно. Ни ветра, ни волнений. И тепло».

Она легко скользнула в зияющее чернотой пространство заводской трубы. Там было, действительно, очень тепло. Но наша Снежинка не сразу поняла, что и в теплых местах может быть не очень уютно. Когда это стало очевидно, было уже слишком поздно. К тому же здесь совершенно не было ветра, чтобы можно было выбраться обратно. После этого она вообще перестала волноваться.

...Из заводской трубы шел легкий серый дымок, который весело заигрывал со снежинками начавшегося снегопада и притягивал их к себе все больше и больше.

1976 г.

Свечи

(Сказка)

Как она сразу разгорелась! К ней только поднесли спичку – и она вдруг озарила всех своим ярким светом.

Эту свечу купили всего два дня назад. Но горела она лучше даже самых старых свечей.

– Глупая ты, – сказала как-то под утро одна из старых свечей новенькой, когда последнюю, наконец, погасили. – Молодые – они все глупые. Ты думаешь, я не могла бы так ярко гореть?! Посмотри на себя. За эти два дня ты уменьшилась едва ли не на одну треть.

– Ну и что? – задумчиво ответила новенькая. – Разве это так плохо? Разве не главное – давать миру яркий свет. Ведь мир так прекрасен. Кто сумеет увидеть его неповторимые краски без нас?

Старые свечи расхохотались.

– Какая же она глупая!

– Я живу здесь уже третий год, – проскрипела одна из них, – но таких еще никогда не видела.

– Бессмысленно расходовать свою жизненную силу так, как она. Это просто безрассудство. Так она не протянет и недели. А ведь мир, действительно, прекрасен и его красотой хочется наслаждаться бесконечно, – сказала еще одна старая свеча. – Мы ведь потому и тлеем едва заметными огоньками...

О! Старые свечи умели говорить. Многие начинали как эта новенькая, но ни одна не смогла устоять против их слов. Настолько правильными они казались.

Новенькой эти слова тоже показались верными, но она вспомнила и другое. Она вспомнила, какими глазами смотрел на ее яркое пламя юноша. Словно пытался разгадать тайну этого огня. Иногда он на минуту закрывал глаза, и тогда его губы что-то шептали. Она не могла слышать слова, но

чувствовала, что они были удивительными. Может быть, это были стихи, а может – имя любимой. Все равно это были прекрасные слова, рожденные ее ярким пламенем.

Нет, ради этого она должна так ярко гореть, даже если ей придется жить всего один день.

1979 г.

Наблюдательный

Спокойный я человек. И наблюдательный. Люблю вот так запросто выйти на улицу и наблюдать, наблюдать, наблюдать. Какие характеры! Силища! Какая стремительная динамика развития и становления личности в условиях научно-технической революции, информационного бума и демографического взрыва!

Взять хотя бы сейчас. Кажется, со стороны: просто стою на автобусной остановке. Ни до кого мне нет дела. Ан, нет. Совсем наоборот. Глаза туда-сюда. Бегают. Я же все вижу.

Вот стоит молодая девушка. Ножки стройные-стройные. Лицо красивое-красивое. Шубка на ней меховая-меховая. Автобуса ждет-ждет. А автобуса все нет и нет. Минут тридцать-сорок.

Вот мужик подходит к ней. Пьяный-пьяный. И смотрит на нее нагло-нагло. И хватает ее за руку сильно-сильно. А девушка кричит громко-громко. А мужику на все наплевать-наплевать. Он же пьяный-пьяный.

И мне интересно: чем все кончится? Смотрю внимательно. Нельзя пропустить ни одной детали. Жуть берет. Тут ко мне еще мужики подходят.

– Что это он? – спрашивают меня и показывают на пьяного.

– Оскорбляет достоинство, – отвечаю с достоинством и с неподдельным интересом продолжаю наблюдать. Мужикам тоже интересно. Так что наблюдаем вместе.

А девушка испугалась-испугалась. По сторонам смотрит-смотрит. О помощи просит-просит. А мужик наглый-наглый. Целоваться лезет-лезет.

Хоть и пьяный, а заметил, что мы смотрим. И так грубо спрашивает:

– Чего надо?

– Ничего... Просто интересно, – с вызовом отвечаю я за всех.

– Что-о?... Ну-ка, давай отсюда...

Ясное дело, пьяный человек – дурной человек. Для отвода глаз все же делаем десяток шагов от остановки...

И вдруг. Девушка кричала-кричала, да видно надоело ей. Она возьми и шваркни пьяного-пьяного мужика по голове своей сумочкой. Сильно-сильно.

Мужик лег.

Сумочка тяжелой оказалась, только ручки погнулись. Девушка поправила сумочку. Потом на нас так посмотрела некрасиво-некрасиво, губками чмокнула-чмокнула и ушла. Автобуса ведь нет и нет.

Мы тоже потолкались-потолкались. Минут пять. Автобус не идет. К тому же искусственное дыхание никто не умеет делать. Так мы потихоньку-потихоньку и разошлись. Кто куда. Мужики – в магазин. За подсолнечным маслом. Наверное. А я домой. За письменный стол. Чтобы успеть записать на свежую голову новые наблюдения. Вот и записал.

1977 г.

Сон

Он вяло посмотрел впереди себя.

«Никого. Ни единого человека. Хотя, нет. Вот идет женщина. А за ней такой же немолодой мужчина. А вот еще одна женщина, и еще, и еще. Боже мой, сколько женщин. И все в возрасте. Это, наверное, мираж. Я слишком устал сегодня. Вот и мерещатся одни пожилые женщины».

Он заставил себя закрыть глаза и приказал себе:

– Спать!

Он привалился головой к стеклу и вдруг почувствовал, как его кто-то трясет за плечо.

«Это уже наглость, – мелькнуло у него в голове. – Я же сплю. Я же никому не мешаю».

Он сонливо передернул плечом, но глаза не открыл. Несколько секунд его не трогали. Для пушей убедительности своего беспробудного сна он сладко почмокал губами, тонкой струей пуская слюни на свой плащ, и незамысловато потерся головой о стекло. Затем непроизвольно дернул ногой, словно ему снился страшный сон, и тихонько застонал, чуть поскрипывая зубами.

«Пусть думают, что у меня глисты, – сказал он сам себе, после этого стих, глубоко и ровно раздувая легкие. – Уж сейчас, точно, должны от меня отстать».

Но через минуту опять почувствовал чью-то настойчивую руку на своем плече.

«Нет, с этими женщинами каши не сваришь», – сказал он снова себе и демонстративно нехотя открыл глаза.

Так и есть. Возле него стояла невысокая пожилая женщина в старомодном пальто с полными авоськами в руках.

– Что же это ты, такой молодой, а место старшим не уступаешь, – сказала она, постучав ладошкой по его воротнику. – Стыдно таким быть!

– Извините, пожалуйста, – тихо ответил он и встал. – Вздремнул немного.

– Ну, вот и хорошо, сейчас и я вздремну, – сказала женщина и быстро села на его место.

Проклиная недостатки в работе общественного городского транспорта, он стал пробираться к передней двери автобуса, хотя до его остановки было еще далеко.

1976 г.

Признание

Я готов был сравнить ее с богиней. В ее поэтичных глазах, украшенных сине-черными веками, я увидел источник неисчерпаемой красоты.

– Ваш образ, – сказал я ей, – может взволновать любую творческую натуру. Даже такую возвышенную, как моя. Вы мне верите?

Я протянул к ней ладони, желая хотя бы слегка прикоснуться к ее прекрасной ручке.

Как я напугал ее своей мужицкой выходкой! Она отпрянула, широко раскрыв сиреневые глаза.

– О, простите! – взмолился я. – Поймите меня. Тысячу раз извините. Я не хотел сделать вам больно. О, как я жестоко наказан! Я – самый несчастный человек на свете. Простите. Я хочу увековечить вас в своих сонетах. Будьте моей Лаурой, и я стану самым счастливым человеком на свете. Улыбнитесь мне, я очень прошу вас. Ваша улыбка наполнена всепроникающим теплом, от которого прорастают пахучие цветы любви...

Она недоверчиво поджала прекрасные губки.

– Вы такая милая, – не сдавался я, целуя собственную руку, – и такая недоступная. Но знайте, что я счастлив, потому что живу с вами в одном городе, под одним небом. Вы не имеете власти запретить мне думать о вас, упиваться вашим чудесным образом по капелькам, каждый день. И пусть этот напиток будет ядом недоверия и невнимания, все равно выпью его до дна. И умру от переполняющих мое сердце чувств...

В испуге я закрыл глаза...

– Ой, Лорка! Отпустила бы ты его, – крикнул кто-то с соседнего стола. – Еще и впрямь умрет. Вон уже и глаза закатил.

Как она осторожно дотронулась до моей руки! Я встрепенулся, готовый слушать ее сладкий голос.

– Я вам пятый раз повторяю, – голубкой проворковала она. – Ваш костюм еще не готов. Понимаете меня?

– Но, дорогая моя, я заказал его месяц тому назад, – с голубиной нежностью сказал я.

– Ну и что? – она смотрела на меня с детской непосредственностью и ласково гладила мою руку. – Разве это так важно?

– О, конечно, но вы посмотрите на складе, может быть, чудо возможно? – не отступался я, растворяясь от ее внимания.

– Какой наивный молодой человек, – губы ее сложились в милую усмешку. – Склад сегодня не работает. И завтра тоже. Приходите в понедельник, – ласково добавила она.

Я грустно опустил голову.

Сиреневые глаза все еще смотрели на меня.

– Не надо так волноваться. Нервные клетки не восстанавливаются. А вы такой славный. Вы так красиво умеете говорить. Скажите мне еще что-нибудь...

– В понедельник, – хмуро отрезал я и, хлопнув дверью, вышел из ателье.

1977 г.

Из студенческой практики

Ожидание было мучительно долгим. Он нетерпеливо мотал головой в такт своим мыслям.

«Что она может спросить? Свой конек – образы Пьера и Наташи? Или вдруг отдаст предпочтение образу Лопахина? К этому он готов. А вдруг формула Журавского или преобразования Галуа? В принципе, ничего страшного. Придется немного подумать. Что еще? История возникновения квантовой механики? Поэзия Вознесенского и ее метаморфозы? Проблема актера в современном кинематографе? Бериллий – металл будущего? Средневековые атеисты и значение их учений? Использование антибиотиков в современной медицине? Принцип работы трансформатора? Чудовище Нэсси: мифы и реальность?»

Он безнадежно запутался в догадках. Нет, ее вопросов просто невозможно предугадать. И он махнул на все рукой. Будь, что будет!

Вдруг он почувствовал чьи-то теплые ладони на своих глазах.

– Здравствуй, дорогой, – сказала она, смущенно улыбаясь. Прости меня за это опоздание. Но ты сам знаешь, как трудно оторваться от картин постимпрессионистов. В них такое потрясающее видение мира. Ты же помнишь удивительную цветовую наполненность полотен Сезанна?

– Помню, – сказал он и начал ответ на первый поставленный вопрос.

1978 г.

Строительный романс

Трофим думал о Зое много и часто. Нет, не только потому, что они работали в одной бригаде отделочников. Просто было в этой девчонке что-то такое. Вы, наверное, понимаете, что я имею в виду. Это не перепутаешь с производительностью или научной организацией труда. Вот.

А в тот день мысли о девушке просто переполнили юношу. И в обеденный перерыв, когда вся бригада пошла обедать в столовую, а они остались вдвоем в комнате, которую отделявали, он отчетливо понял: «Либо сейчас, либо после получки. А это еще так не скоро». И он решился.

Минут через пятнадцать после начала обеда он, осторожно ковыряясь кельмой в бадье с раствором, нашел, наконец, в себе силы оторвать взгляд от глазурованной плитки и несмело посмотреть в ее глаза. О, какие же это глаза!

– Зоя, тебе здесь нравится, правда?

– Где? Здесь? – она удивленно улыбнулась.

– Да, здесь. В этом доме, комнате, где приложена и частичка нашего труда. Ведь осталось совсем немного, когда в этот дом вселятся люди. Они будут вспоминать нас теплыми словами. Это прекрасно, правда?

– Ого! Ванятка, слышишь?

– Тсс... Дай послушать, – на первом этаже послышалось шуршание. Кто-то из электриков пристраивал ухо к капитальной стене.

– Ха-ха... Интересно, что она ему ответит, – на девятом этаже в противоположном крыле отдыхали кровельщики.

– Ты сначала расплескай по объемам, а потом уже в чужой разговор встрейвай, – с девятого этажа донеслось бульканье и жестокий запах лука.

Трофим сокрушенно чмыхнул, но сдержался. Он снова увидел эти неповторимые глаза.

– О! Зоя! Зоя! – он готов был смотреть в них целую вечность.

– Эх, молодежь, горячая кровь, – удовлетворенно прокряхтел кто-то из подвала. Трофим узнал голос Ефимыча, бригадира сантехников.

– Ну, не скажи, на слова мы все мастера, – ответил с девятого этажа звонкий голос.

– Тсс... Дайте же, наконец, послушать, – на первом этаже продолжали пристраивать ухо к стене.

Трофим приподнялся с корточек и, ничего не видя, пошел вперед. Что-то наткнулось на него и развалилось. Так и есть – капитальная стена.

– Во! Сами делаем – сами ломаем. Вот она, нынешняя молодежь, – неся сверху тот же звонкий голос.

– Ты бы лучше объемы заполнил, чем полагается, – обрезали звонкого. – Скоро обед кончается.

Трофим поднял кирпич и, раздумывая, подбросил его в руке. Но ничего не произошло – он снова увидел ее глаза, ее губы, которые чуть слышно шептали:

– Трофим, не надо слов, я все знаю...

– Молодец, девчонка. Прямо, как в кино, – донеслось с девятого этажа.

– Ванятка, ты понял? Она говорит, что уже все знает, – шептали на первом этаже.

– А я такую молодежь одобряю, – подпел голос из подвала. – Горячая!

– Благослови вас бог, детки, – прошамкала какая-то старушка из проезжавшего рядом со зданием автобуса. Пассажиры одобрительно загудели.

– Трофим, не надо слов, я все знаю...

Еще не веря, он опустил кирпич и ... закричал что есть силы:

– Зоя-а-а-а-а!

Что-то упало и зазвенело.

– А вот это зря, паря. Весь стакан штукатуркой засыпало, – сокрушенно вздохнули на девятом этаже.

– У вас что! У нас половину дневной нормы как корова языком, – отплеываясь от пыли, ответили с первого этажа.

– Эх, молодежь, молодежь, – откуда-то глубоко-глубоко снизу донесся тихий голос Ефимыча.

Но Трофим уже ничего не слышал. Он гладил ее волосы и беззвучно шевелил губами. А она, подняв глаза, заметила, что у него очень смешной нос, и жалела, что до конца обеденного перерыва осталось так мало времени – всего десять минут.

1978 г.

Непробиваемый

Я прорвался сквозь плотный заслон защитников команды механического цеха и вышел один на один с их вратарем Сенькой Кротовым, моим хорошим знакомым. Он стоял не шелохнувшись. Я сделал свой знаменитый ложный замах, на который “клевали” вратари всего завода. Сенька не шевелился. Я сделал отчаянную попытку обмануть его своим кистевым броском. Но он даже глазом не повел. Шайба попала ему в щитки и отлетела куда-то за ворота.

– Вот это класс, – крикнул кто-то с трибун, и Сеньке зааплодировали. Я, опустив голову, поехал на вбрасывание. Меня это все не на шутку разозлило, так как я не привык проигрывать в подобных ситуациях. Я оглянулся на Сеньку. Он стоял в той же сгорбленной позе и не шевелился.

Через несколько секунд мне снова удалось сделать превосходный отрыв и выкатиться к воротам команды механического цеха. Наученный горьким опытом, я решил не мудрить – сильно бросил по воротам. Сенька не шелохнулся. Шайба пулей вонзилась ему в плечо и отскочила далеко назад.

Трибуны вспыхнули аплодисментами. Такой игры на нашем стадионе не видели уже давно.

– Такого вратаря можно и в высшую лигу брать... Не подведет... – кричали с трибуны Сеньке. Но он даже не смотрел в ту сторону...

– Что это у них за парень, – злился в перерыве на вратаря соперников наш тренер. – Нервы словно из стали.

Нервозность нашего тренера перекинулась и на нас. Во втором периоде в наши ворота посыпался град шайб. Мы были обречены. Дело двигалось к двузначному счету.

Честно говоря, в душе я радовался за Сеньку. Наконец-то, он показал все, на что способен, к чему так долго шел. В начале третьего периода я подъехал к Сеньке и похлопал его по щиткам.

– Что это на тебя сегодня нашло? – спросил я и с трудом рассмотрел под проволочной маской лицо Сеньки. Оно было хмурым и злым. Сенька нехотя посмотрел на меня.

– А, это ты, Ленька, – он тяжело вздохнул. – Жена от меня ушла... Вот какое дело...

Он снова опустил голову, сгорбился и тупо уставился на лед перед собой.

– Как это ушла? – удивился я.

– А так. Собрала сегодня все вещи, постель и ушла. Даже записки не оставила. Я ведь на работе был.

– Как это ушла, – говорю я, – если сегодня в прачечной с моей сестренкой в очереди стояла вместе. Поди, еще сейчас стоят. Очередь, говорят, огромнейшая.

Сенька как-то странно посмотрел на меня, а потом как схватит за руку:

– Как, в прачечной?... Не врешь?

– Зачем мне тебе врать? Ты у нас сегодня герой дня.

И он как засмеется. Распрямился весь. И лицо сразу просветлело. Даже подпрыгивать стал. А я поехал на вбрасывание.

Через несколько секунд наш правый край Саша Хвостов, наверное, уже раз в десятый вышел один на один с Сенькой. Что толку? Он даже не смотрел, куда бросал шайбу. Бросил и поехал обратно. И вдруг трибуны охнули. Сенька дернулся ловить шайбу, но сам же втокнул ее в свои ворота...

Всей пятеркой мы, возбужденные, подъехали к бортику.

– Молодец, – сказал мне тихо тренер и похлопал по плечу.

– Что вы меня хвалите? – не понимая, спросил я. – Саша ведь забил...

– Молодец, – еще раз повторил тренер. – Главное знать – когда и что сказать противнику. За смекалку хвалю... Я же все видел...

Я удивленно пожал плечами и сел на скамейку запасных.

– Все, теперь прорвало, – радостно воскликнул наш тренер. И не ошибся. К середине третьего периода счет сравнялся. Как ни крутился Сенька в воротах,

шайбы летели туда одна за другой. Стало ясно, что высшей лиги Сеньке не видать, как своих ушей.

И я почему-то чувствовал себя виновным в этом.

1979 г.

Знакомство

Вы не знаете, какие вкусные пирожки с мясом, когда идет теплый «слепой» дождь. Такой как сейчас. Я осторожно выглядываю из-под навеса. Дождь сыплет на землю словно из рога изобилия. Приходится снова возвращаться на свое укромное местечко возле тетеньки с пирожками.

Рядом со мной стоят еще две молоденькие девушки, особенно усердствующие по части пирожков. Возле нас постоянно протискиваются какие-то люди, стремящиеся попасть вглубь навеса. Как ни быстро движется возле нас народ, я все же замечаю, что своею далеко не серой внешностью произвожу приятное впечатление на девиц. Они жмутся друг к дружке в постоянных приступах смеха и из-за невнимательного отношения к пирожкам подбородки их покрываются тоненькой пленочкой расплавленного жира. Все же очень вкусные пирожки!

Надо признать, что девчонки – в норме! Немного ниже меня, но в таких штроксах! Скажу вам, очень и очень. Все, как положено. Все – на месте!

Я чувствую, как они хотят заговорить со мною. Уже минут десять они придумывают первую фразу и после каждого нового предложения заходятся в заразительном хохоте. В другой ситуации я может и обиделся бы. Но на девчонок в таких штроксах не принято обижаться. И я уже мысленно сам вовлекаюсь в эту игру. Что же они у меня спросят? Где я купил такой превосходный джинсовый костюм? Или сколько мне лет? Или как я отношусь к постановкам театра на Таганке? Или какое место в моей жизни занимает поэзия современных африканских поэтов?

Я хитро шурюсь и лукаво поглядываю на девочек. Нет, они уже не хохочут, а просто давятся своими пирожками, когда смотрят на меня. А эта слева, пожалуй, симпатичнее. У нее такие беленькие зубки. Она что-то говорит своей подружке, и они чуть ли не валятся с ног от нового приступа хохота.

Меня не проведешь. Я же вижу, как трепещут их пылкие девичьи сердца. Я небрежно изгибаю левую ногу. В таком положении джинсы на моих ногах смотрятся особенно здорово. Почти как у настоящего ковбоя.

Дождь не прекращается ни на секунду. Пирожки такие вкусные. Девочки вот-вот должны заговорить со мною. Я не знаю предмета нашего будущего разговора. И здесь я начинаю холодеть: я же не помню ни одной строки из Андрея Вознесенского, вы вылетело из головы. А вдруг спросят? Конфуз получится...

Я лихорадочно перебираю в памяти фамилии поэтов и прозаиков: на кого из них можно будет опереться в трудную минуту? Конечно, на классиков: Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Чехов, Толстой.

Наконец, лица хохотушек начинают принимать более осмысленное выражение. Они приводят в порядок свои довольные погодой и пирожками физиономии. Ладонями вытирают блестящие на солнце подбородки. Проглатывают последние кусочки пирожков. Та, которая справа, делает шаг ко мне. Я внутренне напрягаюсь

– Вы не боитесь утонуть? – спрашивает она полупшепотом. Боже мой, какие у нее глаза. Огромные и синие-синие. В них, действительно, можно утонуть.

– Где? – элегантно переспрашиваю я. – В омуте вашего взгляда?

– Нет, – еще сохраняя серьезный вид, отвечает она и выразительно указывает на мои ноги. – В луже, из которой вы уже минут пятнадцать никак не можете выйти.

Вот и погружайся после этого в фантазии романтической возвышенности! Моих ботинок, действительно, уже не видно в сбегающей с проезжей части воде с масляными разводами, которыми стали покрываться еще и мои джинсы.

Словно ужаленный я выскакиваю из лужи. И краем глаза вижу, как девчонки снова начинают укладываться от смеха. Я поворачиваю голову и смотрю на дождь. Теплые тяжелые капли попадают мне изредка на лицо и

медленно скатываются к подбородку. Ловлю себя на мысли, что смотреть на дождь мне уже гораздо интереснее, чем несколько минут назад...

1977 г.

Друг

Что мне было делать? Я стоял возле этой двери и боялся войти. Нет, ни за что на свете...

И все-таки его внесли именно в эту дверь. Я это отчетливо видел, хотя глаза мои так и застилались туманом слез. Ведь во всем был виноват только я. Только сейчас я понял, каким он был мне другом. Настоящим, без всяких оговорок.

Как я казнил себя! Да, я был резок с ним в последнее время. Я стал нервным, раздражаясь по любому пустяку, стоило ему только немного запнуться, что-нибудь рассказывая мне. Иногда я даже силой пытался доказать ему свою правоту. Как это глупо! Он был нежным, умным другом. Почему был? Я верю, его спасут. Хотя этот парень в халате сказал, что случай очень тяжелый.

Помню нашу первую встречу, когда мы с ним познакомились в магазине. Он весело подмигнул мне и весь засветился от радости каким-то непередаваемым светом. Мне тоже было хорошо. Мы веселились как дети...

Он столько раз спасал меня от инфарктов, успокаивая после скандалов с женой, тещей, передряг на работе. Самые большие неприятности невольно забывались в общении с ним. Он умел вселить уверенность, пошутить. Причем, делал это удивительно легко, ненавязчиво, как настоящий добрый друг...

Знаю, жена его не любила. Он будил в ней какую-то страшную ревность. Но я-то его люблю. Нет, ждать больше нельзя. Надо идти навестить его. Благо, телевизионная мастерская еще открыта.

Где ты, друг?

1979 г.

Волшебная сила искусства

Баха я полюбил давно. В первый же год после своей женитьбы. Конечно, первое впечатление от его музыки было самым точным.

Помню, мы сидели где-то в середине партера и с замиранием сердца вслушивались в бессмертную музыку великого маэстро. Сейчас уже трудно вспомнить, что исполнял органист. Но образы, навеянные той причудливой музыкой, были чрезвычайно сильными. Низкие регистры органа создавали суровую картину холода, одиночества, тоски. И словно крики обезумевшего от горя, замерзающего в пургу человека, неслись из органа резкие, истерически высокие ноты.

В антракте Иоланта сказала мне:

– Мы должны купить тебе шубу. Завтра же.

– Почему? Ведь все наши деньги отложены на твой брючный ансамбль и японские сапожки.

– Нет, ансамбль подождет. В воздухе уже носится осень. А там и зима не за горами. Холодная зима.

– Как хорошо, что ты моя жена, – сказал я и крепко поцеловал Иоланту. – Умница моя.

Второе отделение было стремительным, как морской ветер. Казалось, музыка несет нас через необозримые просторы в какую-то чудесную, удивительную, солнечную страну. Как прекрасны были эти мгновения полета, эти со сказочной быстротой меняющиеся вокруг нас пейзажи целомудренной природы.

– Как хорошо! – сказала Иоланта, когда мы после концерта счастливые и непосредственные медленно брели по ночным улицам родного города. – После шубы мы купим тебе путевку на море.

– Почему только мне? И что будет с брючным ансамблем? Ты ведь так давно мечтала купить его.

– Нет, нет, только путевку. Ведь это так здорово: море, воздух, бронзовый загар... А я? Ты же знаешь, что мне никто не даст отпуск летом – столько работы. Но разве это проблема? Ты отдохнешь за нас двоих.

– Конечно, конечно, – согласился я и добавил. – Как хорошо, что ты моя жена. Умница моя.

... Вот и сейчас, когда мы уже в который раз едем с Иолантой на нашем маленьком «Москвиче» к зданию филармонии на органнй концерт из произведений Баха, я трусь подбородком о свой новый замшевый пиджак и с восхищением думаю о своей жене, сидящей рядом со мной в той же простенькой кофточке, как и тогда, много лет назад. И в который раз хвалю себя за смекалку. Сегодня в универмаге выкинули великолепные французские мужские туфли. Здесь уж без Баха не обойтись.

1980 г.

Места знать надо!

Что там говорить, есть у нас еще такие товарищи, которые думают, что химические добавки прямо противопоказаны рыбам в наших водоемах. Я хоть и не заядлый рыболов – всего один раз занимался этим делом, – но со всей ответственностью, основанной на собственном небольшом опыте, скажу, что размер улова зависит совсем не от того, сбрасывает свои отходы в водоем местная промышленность или нет. Главное – выбор места рыбалки, а там пусть в озере или реке будет хоть сплошной мазут, разведенный керосином, рыба у вас будет. Не верите? Я сам не верил, пока не случилась со мной такая история.

На прошлой неделе утром в выходной день вышла у меня с женой крепкая ссора. Разволновался я тогда здорово. Вот сынишка и подсказал: езжай, говорит, батя, на рыбалку. Ничего в нашем озере, конечно, не поймашь, но нервами отдохнешь. Рыбалка – лучшее средство от семейных противоречий.

Дал он мне свои нехитрые снасти, вот я и махнул за рыбкой... Расположился, как полагается, под небольшим кустиком у самой воды, удочку закинул, шляпу на самые глаза, чтобы солнце не мешало, надвинул, сижу, жду, смотрю на воду, любуюсь, как солнечные лучи радугами переливаются по маслянистой поверхности озера.

По правде сказать, рыбы у нас в водоеме после пуска на противоположном берегу небольшого заводика по переработке органических соединений, действительно, не стало. Так что я на удочку внимания меньше всего обращал. И вдруг чувствую, что леску что-то тянет. Ищу глазами поплавок... Мамочки мои, нету! Я, конечно, как полагается, рванул на себя. Можете себе представить – вот такой огромный карась. Я быстрее нового червя на крючок и – снова поплавок в воду уходит. Я еще, еще, еще – караси один лучше другого.

Но тут запас червей кончился. Я же не рассчитывал на такой клев. А-а, думаю, была-не была – крючок голый заброшу. И снова карась берет...

Вот это номер, думаю и смотрю по сторонам. Недалеко от меня, тоже под кустиком, еще один рыбак. Шляпа, точно, как моя. Но, вижу, грустный сидит, как осенний листок. Только в мою сторону поглядывает, как я карасей таскаю, и вздыхает печально.

А с другой стороны, вижу, ко мне еще двое подходят: один – пожилой, другой – помоложе.

– Ну, как рыбка сегодня ловится? – говорит пожилой и пытается меня под шляпой разглядеть.

– Да так, мелочь всякая попадается, – отвечаю и приподнимаю шляпу, чтобы, в свою очередь, их получше рассмотреть.

– Что? Что такое? – вдруг заволновался пожилой. – Как вы здесь, под этим кустом, оказались?

– Очень просто. Пришел и сел.

– Не может быть. Неужели ошибка? – задрожал голос пожилого.

Он быстро достал из кармана лист бумаги, насколько я понял, карту, и начал ее рассматривать. Затем, определив по ней, наверное, место своего нахождения и сверив его с ориентирами местности, отвесил своему молодому напарнику увесистую оплеуху, после чего вытянул руку в направлении моего грустного соседа:

– Теперь понял, какой квадрат?!

Молодой согласно закивал головой и, потирая ушибленное место, побежал вдоль берега озера, махая отчаянно руками и громко крича:

– Э-эй! Кончай! Кончай, вам говорят! Суши ласты!

Не знаю, почему, но через несколько минут клев у меня прекратился. Да я и не расстроился. Те два ведра, которые я наловил, были прекрасной компенсацией за утреннюю ссору с женой.

Домой я шел в прекрасном расположении духа, твердо веря в целительные свойства рыбалки и, конечно, в то, что величина улова находится в прямой зависимости от того, насколько правильно вами выбрано место ловли.

1980 г.

Сервис

(Записки водопроводчика)

Не мне объяснять вам, дорогие товарищи, какое значение стали сейчас придавать сфере обслуживания. Куда ни глянь, везде только и слышно: «Сервис! Улучшайте сервис! Повышайте культуру обслуживания!» Может, оно дело и хорошее, да только у меня через него такая история вышла, что смотрю я на него теперь скептически. А все дело в том, что на почве этого самого сервиса чуть было жизни я не лишился. Однако расскажу по порядку.

Началось все с нашего нового начальника. При старом мы жили очень неплохо, может, за это его и сняли. А пришел новый и начал. Собрал всех на следующий день в красном уголке и говорит:

– Ваша работа, товарищи водопроводчики, сродни делу врача. А хорошо, как известно, тот врач, который умеет не только болезнь лечить, но и предупредить. Вот мы и должны отныне взять себе это за главное правило: постоянно проводить профилактику санитарно-технической арматуры. Авария с краном в любой квартире с момента сегодняшнего собрания будет расцениваться как чрезвычайное происшествие со всеми вытекающими из него последствиями. Я думаю, меня все правильно поняли.

Чего же тут не понять! Кому охота премию терять из-за какой-нибудь сгнившей прокладки? Словом, разлетелись мы из своей «дежурки» по микрорайону, словно птенчики из теплого родительского гнезда. Что там говорить, у клиентов глаза на лоб от такого сервиса полезли. Говорят, то вас месяц не допросишься, то сами как пчелы на мед летите.

Я тоже квартир двадцать обошел, пока не остановился у той злополучной двери. Сверил со своей тетрадкой номер – все точно: тридцать четвертая квартира супругов Лепестковых. Последний ремонт – два года назад. Чувствую: вот уж здесь профилактика просто необходима. Потому и позвонил смело. Открыла мне сама Юлия Павловна, жена товарища Лепесткова. Стоит в дверях, полголовы в бигудях, и дико на меня смотрит.

– Вам чего? – говорит.

– Конфузов я, водопроводчик, – отвечаю и слегка в приветствии свою кепочку приподнимаю. – Явился для проведения профилактического осмотра сантехнического оборудования.

– Это еще что за новости? – говорит жена Лепесткова. – Насколько я помню, ни муж, ни я водопроводчика не вызывали.

– Все правильно, – говорю, – а новости такие, что домоуправление наше перешло на новую систему обслуживания жильцов.

И пересказываю дальше слова нашего нового начальника про врачей.

– Раз так – заходите, – разрешила Юлия Павловна, выслушав мой монолог.

Подхватываю свой чемоданчик с инструментом и прямиком на кухню, к крану. Жена Лепесткова в дверях останавливается и, скрестив руки на груди, так ехидно говорит:

– Нашлась, значит, наконец, и на вашего брата управа.

– Выходит, нашлась, – отвечаю со вздохом и добавляю. – Он нам и чаевые запретил брать. Так и сказал: узнаю, не сносить головы. Крутой мужик...

– Про чаевые он правильно сказал, – говорит Юлия Павловна.

– Но мы его не очень-то слушаемся, – попытался поправить я дело. – Так что ты, красавица, не думай, что мы уже окончательно с ума посходили.

– Когда будет за что, без чаевых не оставлю, – ответила мне жена Лепесткова и куда-то ушла, наверное, бигуди свои докручивать.

В кухне я с краном разобрался быстро. Заменяю прокладку. Зато в ванной пришлось повозиться изрядно. Пока менял его, прямо вспотел, даже пиджак пришлось скинуть. Так что остался я в ванной в одной рубашке. А в это время произошло следующее.

Как мне потом рассказывали, муж Лепестковой в этот день должен был уезжать в командировку. (Я-то, можно сказать, уже не мальчик, мог бы сообразить об этом сразу, увидев супругу его в бигудях). Да, видно, что-то произошло там в последний момент: командировку отменили. И товарищ

Лепестков приехал домой в этот день неожиданно рано. Аккурат в тот момент, когда я с краном в ванной покончил и смывал с себя пот и грязь. У меня правило такое: как отремонтирую у клиента кран в ванной, обязательно проверяю качество ремонта. Заодно и освежаюсь после работы. Совмещаю, так сказать, полезное с приятным.

Так вот, вылез я из ванны уже чистый, но еще мокрый. И думаю: чем это вытереться? А потом возьми и крикни в шутку Юлии Павловне:

– Хозяюшка, красавица, ты бы мне полотенце хоть принесла вместо чаевых!

А муж ее в это время, как я потом узнал, только-только в прихожую ввалился. Мои слова так и застряли у него в ушах. Юлия Павловна меня тоже услышала и мило кричит откуда-то из своей комнаты:

– Ишь, баловник, чего захотел. Ладно, принесу сейчас. Главное, чтобы кран работал.

– Можете не беспокоиться, краник работает исправно, сейчас сами убедитесь, – отвечаю я, совершенно не ведая о том, что товарищ Лепестков уже стоит под дверью в ванную и ждет появления своей супруги с полотенцем.

Можете себе представить ее изумление, когда она своего Лепесткова увидела.

– А ведь я в командировку не уехал, Юлия, – говорит ей товарищ Лепестков грозно. – Теперь уеду не скоро. Только после его похорон...

– Это водопроводчик, – дрожащим голосом отвечает Юлия Павловна. – Он у нас кран пришел ремонтировать.

– Отлично! Кто его вызывал? Ты? Или, может быть, я?! Сами водопроводчики, насколько мне известно, в квартиры не приходят, – Лепестков сатанински захохотал.

– Он сам пришел, – Юлия Павловна убито посмотрела на мужа. – У них это называется сервис.

– То, что сервис, я уже понял. Муж ведь по всем расчетам давно в командировке. Ничего, ничего... Сейчас отремонтируем кому-то краник, –

говорит товарищ Лепестков и поигрывает уже перед ее носом сковородкой. Наверное, в кухне успел прихватить.

Она с испугу, конечно, как завизжит. А я слышу, шум какой-то у двери и так спокойно уточняю:

– Хозяюшка, красавица, ты там чего? Иди, смотри краник в работе.

Лепестков сковородку к ее лицу приставил, она и говорит сдавленно, но довольно внятно:

– Я тебе, полотенце принесла, товарищ Конфузов. Открывай.

Я-то, можно сказать, уже не мальчик, взял сдуру и открыл. Спасибо реакции, она у меня с детства после занятий в секции бокса почти не ухудшилась. Успел дверь на себя дернуть. Руку его защебил. Только это меня и спасло. Пришлось товарищу Лепесткову принимать мои условия: я ему – его руку, он мне – мою жизнь.

...Говорят, потом они вообще развелись. Вот я и думаю: а не сервис ли был тому виною? Потому и отношусь сейчас к этому делу очень скептически.

1980 г.

Жених

(Записки водопроводчика)

Лично я, например, считаю, что жениться после тридцати лет трудно. Но еще можно, если вес холостяка в килограммах не превышает роста в сантиметрах, а величина талии еще соразмерна величине дверного проема. И еще я думаю, что люди уже женатые, хотя бы из соображений гуманности и восстановления социальной справедливости, должны оказывать всемерную помощь людям одиноким в деле обретения семейного покоя, если те, конечно, отвечают предъявляемым требованиям. Вот и я как-то недавно решил оказать такую услугу одному своему знакомому – Феде Кабусякину. Мы с ним в конторе одной работаем, обслуживаем соседние участки.

Прямо скажем, Федя – человек очень своеобразный. Я как с ним познакомился, так сразу и понял: вот что с нами, мужиками, может сделать излишняя застенчивость, стеснительность и даже стыдливость. Как девушку моложе тридцати пяти увидит, так и опускает глаза, а щеки румянцем заливаются. И это когда самому уже за тридцать. Мне, например, это вообще в диковинку. Мы, Конфузовы, не такие. Но сейчас не об этом.

Я как-то Феде так напрямую и сказал:

– Ну, чего ты краснеешь? Чего ты их боишься? Посмотри вокруг – сколько их, незамужних. Демографическая ситуация сейчас такова, что быть холостяком сегодня значит тормозить ход всего общественного развития.

– Да, понимаю, – махнул рукой Федя. – Ну, не сложится никак. Как с кем познакомлюсь, так язык к зубам и прирастает. Не знаю, о чем говорить.

– Тяжелый случай, конечно, – говорю, – но, в принципе, решить проблему можно. Ты главное не дрейфь, Кабусякин. К женщинам подход особый нужен. Тут язык твой должен работать, как только что отремонтированный кран – давать струю информации под напором. Тогда ни одна не устоит – по себе знаю.

– Хорошо тебе, товарищ Конфузов, – говорит мне Федя, – ты у нас этот, как его – кому... кому-ни-кабельный...

Я, конечно, рассмеялся ему в ответ, а он расстроился:

– Вот видишь, двух слов связать не могу. О чем тут говорить? Нет, со мной все ясно...

Честно говоря, разозлила меня эта слабость товарища. Я ему так и сказал:

– Берусь решить это дело. Найду тебе такое сокровище, что всю жизнь потом благодарить будешь... Только от тебя, браток, требую нажать на искусство – живопись там, музыка, кино, театр. Чтобы все это – как таблицу умножения. Чтобы хватило запаса знаний минут на двадцать интеллигентного разговора. Без этого сейчас к женщине идти нечего. А я уж – будь спокоен – точно под твои духовные запросы девушку подберу.

Я и не думал, что он мои слова так близко к сердцу примет. Раньше, бывало, всегда кампанию для домино в обеденный перерыв составлял, а тут как свободная минутка выпадет, так и жметя в уголок с книжкой в руках.

Ну, и я решил времени зря не терять. Стал к женской половине своих домов приглядываться. Девушкам ведь тоже после определенного возраста замуж выйти – не воды газированной напиться. И заметил одну, Любой звать. Свою однокомнатную получила недавно. А по прокладкам в кранах понял – бойкая, импульсивная, порывистая. Раз в квартал приходится сантехнику ремонтировать. Такие девушки обычно нравятся. Что касается интеллигентности, то и здесь необходимый минимум в наличии: в прихожей – репродукция женщины в меховой шапке, в кухне – пищевой этюд розовыми красками расписан, и везде книги – «Похитители бриллиантов», «Королева Марго», «Анжелика – маркиза ангелов», Даже, пардон, в туалете – томик «Проклятых королей» Дрюона на полочке для чтения приспособлен. Я, как этих «королей» увидел, так окончательно убедился: вот где зернышко Фединога счастья прорасти должно. Академий, конечно, не кончали, но тяга к искусству есть. Хотя бы и к массовому.

Я Любе тогда сразу так и намекнул. Дескать, есть у меня для вас такой человек мужского пола, по всем параметрам идеал: не пьет, не курит, при виде чужих женщин краснеет, смущается и ни о чем, кроме искусства, говорить не

может. Для образности добавил, что различает по нюансам творческой манеры художников раннего и позднего возрождения. (Разве мог я тогда подумать, что он действительно сможет их различать?)

После этих моих слов она на меня как на умалишенного посмотрела.

– Вы, – говорит, – товарищ Конфузов, рассказывайте эти басни девушкам помоложе. Может, они вам трешку и дадут за то, что подарили им исчезнувшую было надежду на прекрасного принца. Только я этими сказками уже вот как сыта. Как вы думаете, можно в жизни чему-то научиться к тридцати годам?

– Можно, – ответил я ей, но и Федю в обиду не дал. – Ты бы чем так говорить, лучше бы на самого товарища моего посмотрела. Ей-богу, я сам себе в последнее время удивляюсь: как в наш век можно остаться таким чистым и незамутненным как спирт. Надо для этого иметь определенную крепость характера, чтобы твой внутренний мир ничем разбавить не смогли низкопробным. Не у каждого это найдешь.

По реакции чувствую, хоть и тридцать Любе лет, а в принца своего еще где-то там – глубоко-глубоко в душе – верит. Посмотрела она на меня очень задумчиво и говорит:

– Ладно, чего уж там. Приводите свою кандидатуру в женихи, товарищ Конфузов. Интересно мне стало: неужели есть холостяк, который не пьет и краснеть еще не разучился?

Так что в следующий свой приход потащил я за собой и Кабусякина. Правда, уровня его нового проверить не успел – не было времени. И говорить ему о предстоящих «смотреинах» не стал – не хотелось зря волновать. В таких делах надо быть абсолютно раскованным и естественным.

С кранами у Любы мы справились быстро, но инструмент собирать я не спешил. Вышел из ванной в прихожую размять затекшие плечи.

– Вижу, хозяйюшка, очень вы искусством увлекаетесь, – кинул я для затравки пару слов, глядя на барышню в меховой шапке, что в прихожей висела.

– Да уж, немного, – ответила Люба, заметно порозовев.

Здесь и Федя из ванны выглянул. Посмотрел на репродукцию и прямо желваки у него на лице заходили.

– Девятнадцатый век, – говорит, – кисть великого Крамского... Все-таки как время иногда безжалостно к шедеврам. Современники восхищались игрой красок на холсте, а мы сегодня только скользим холодным взглядом по полотну и даже не задумываемся о том, сколько сил и интеллектуальной энергии пришлось затратить художнику, чтобы написать этот шедевр... Оскудение интеллекта, потеря художественного вкуса – вот какого приговора мы достойны сегодня...

В этот момент Федя грустно улыбнулся, а я успел наклониться и шепнуть на ухо Любе:

– Что? Скушала?

Она ошалело посмотрела сначала на меня, а потом снова на Федю, которого уже понесли собственные мысли:

– Как жаль, что мы не властны над временем... Сколько шедевров так и останутся непонятыми грядущими поколениями...

– Он, что, всегда такой? – спросила меня тихонько Люба минут через двадцать, когда Кабусякин забубнел что-то уже про импрессионистов и Сезанна.

– Всегда, – отвечаю и, широко улыбаясь, подмигиваю ей. – Он у нас знаешь какой? Он тебе сейчас и про «Могучую кучку» задвинет, и про младогегельянцев...

– Действительно, чудной, – еще минут через пятнадцать произнесла Люба, когда Федя начал осваивать массив западноевропейского театра. – Интересно, а каким образом его можно остановить?

– Честно говоря, мы и сами этого пока не знаем, – признался я. – Да ты не обращай внимания. Ты лучше скажи – подходит?

Люба еще раз придирчивым взглядом измерила Кабусякина с головы до ног и тяжело вздохнула:

– Нет, товарищ Конфузов. Принцы, они, оказывается, тоже разными бывают. Одни пьют, другие – разговаривают.

...Домой я шел грустный, даже можно сказать расстроенный. А Кабусякин, наоборот, был необыкновенно возбужден.

– Ты видел, какая замечательная женщина! – громко говорил он, то и дело хватая меня за рукав. – Как она меня слушала! Я бы мог говорить с нею еще целую вечность...

– Это точно, – подтвердил я и, щелкнув языком, добавил. – Что-то мы с тобой здесь не додумали...

1980 г.

Не успели

Я осторожно вставил ключ в замочную скважину и, стараясь не шуметь, тихо щелкнул замком. Дверь отворилась почти неслышно. Мы вошли в квартиру. В прихожей я прислушался.

– Думаешь, нас заметили? – спросила она.

– Не знаю, – пожал я плечами. – По крайней мере, у нас есть в запасе несколько минут, поэтому брать будем только самое необходимое.

– Все ясно, – сказала она и скользнула в комнаты.

Я методично осмотрел кухню, складывая все съестное в рюкзак. Очень скоро он стал весить довольно много, и я едва смог взвалить его себе на плечи.

Выйдя в прихожую, я снова прислушался к шагам на лестничной площадке. Кто-то направлялся этажом выше. На первом этаже сквозняком захлопнуло дверь, а со двора доносились веселые детские крики. Я взглянул на часы.

– Скоро там? – позвал я и, не услышав ответа, прошел в комнату. Она стояла у огромного зеркала и примеряла довольно симпатичное платье. Заметив меня, кокетливо улыбнулась:

– Я тебе нравлюсь в нем?

– Послушай, что за глупости? Нам надо быстрее уходить отсюда. Я же сказал, брать самое необходимое.

– Но я, честное слово, не знаю, что выбрать из всего этого, – обиженно ответила она, глядя на многочисленные платья, сваленные в одну кучу прямо на постели.

– Если через две минуты мы не выберемся отсюда, то ты понимаешь, что может быть? – сказал я тоном, не терпящим возражений.

– Понимаю, – сказала она, скидывая себе на плечи новое платье.

– Нет, больше так продолжаться не может, – разозлился я и, схватив ее, потащил к выходу.

– Секундочку, – воскликнула она, хватая на ходу попавшие под руку платья. – Мы забыли взять деньги.

– Правильно, – сказал я, отпуская ее и целуя в лоб. – Иногда ты говоришь дельные вещи.

– Они в шкафу, за платьями, – уточнила она.

Я бросился к шкафу. Отыскать пакет было минутным делом, но она успела вновь проскользнуть к зеркалу и набросить на себя какую-то кофточку. И тут в прихожей раздался мелодичный звонок. Мы оцепенели.

– Ну вот, ты добилась своего, – выдавил я после долгого молчания и с ужасом подумал о предстоящей встрече.

– Дорогой, я огорчена, не меньше тебя, – сказала она довольно спокойно, запихивая все платья обратно в шкаф.

– Огорчена, не огорчена, толку от этого, – махнул я рукой и двинулся к входной двери с рюкзаком за плечами.

В «глазок» я увидел нашу соседку с любимым мопсиком на руках.

– Ты смотри, все-таки заметила... К тебе, – крикнул я своей жене. – У собачки, наверное, опять несварение. Так что можешь идти принимать гостей...

– Дорогой, не шути так. У Анечки, действительно, прекрасная собачка. И не расстраивайся: за город мы выберемся в следующую субботу.

– Если не будет гостей, – ответил я и строевым шагом отправился на кухню разгружать рюкзак.

1981 г.

Премия

– Тмарчик, зайчик, – ласково позвал Иван Антонович, осторожно открывая дверь в собственную квартиру. – Где ты?

Тамара Николаевна, жена названного товарища, выглянула из кухни.

– Уже пришел?

– И не один, – Иван Антонович вывел правую руку из-за спины. В ней был огромный букет гладиолусов.

Тамара Николаевна мягко улыбнулась, но затем вовремя взяла себя в руки.

– Что это значит? И откуда цветы?

– Это значит, что я тебя очень люблю, – пришел черед улыбнуться Ивану Антоновичу. – А цветы я купил по случаю моей сегодняшней премии. Наша мастерская сдала досрочно важный объект.

– Ага. Значит, цветы – мне, а остальную премию – с друзьями, – заключила Тамара Николаевна. – И волки сыты, и овцы целы. Оригинальная любовь.

– Да нет же, Томчик, – Иван Антонович обидчиво насупил брови, доставая бумажник. – Вот вся премия до копейки. Если не веришь, можешь пересчитать... И почему ты решила, что цветы – это для отвода глаз?

Иван Антонович небрежно сунул бумажник в руки супруге и направился в комнату.

– Дорогой, прости, – ласково прошептала Тамара Николаевна, быстренько взвесив в руке содержимое бумажника, и прильнула к груди своего мужа.

– То-то и оно, – оттаивая, с достоинством сказал Иван Антонович, подставляя губы для поцелуя. – Что у нас есть сегодня поужинать? И как там наши сорванцы ведут себя в школе? Давно я у них в дневнике не расписывался. Пора браться за их воспитание... А-а-а!

...Тамара Николаевна испуганно открыла глаза. Супруг лежал рядом, как-то ничком уткнувшись лицом в подушку.

– А-а, – тяжело стонал он, пытаясь схватить ртом побольше воздуха.

«Задушится еще», – брезгливо подумала Тамара Николаевна, вытаскивая из-под него злополучную подушку.

Глубоким вздохом облегчения Иван Антонович приветствовал собственное избавление от мук. Он медленно открыл глаза и посмотрел на женщину мутным взглядом.

– Вре-вре-мя?

– Утро уже. Детей в школу поднимать пора, – сказала Тамара Николаевна, вставая. – У вас что, опять премию вчера давали?... Во сколько хоть пришел, помнишь?

– Не помню, – Иван Антонович сжал виски ладонями. – Ничего не помню.

– А мне сон сегодня приснился. Станный какой-то. Только тоже не помню, чем все закончилось, – Тамара Николаевна грустно улыбнулась самой себе. – Такой странный, несбыточный сон...

1981 г.

Аромат сирени

Под окном расцвела сирень. И сейчас ее томный аромат пьянил кого-то на лавочке возле самого окошка.

Клавдия Ивановна толкнула в бок спящего мужа.

– Вань, слышишь? – она прислушалась.

– Ты что? – Иван Александрович с неудовольствием открыл глаза.

– Никак наша Светка под окном с кем-то сидит, – ответила Клавдия Ивановна, все еще прислушиваясь.

– Ну и что? – Иван Александрович вкусно зевнул.

– Так ведь не одна.

– Правильно. Чего бы ей там одной сидеть... Опять, наверное, с этим проходимцем Колькой Нестеровым. Интересно, сегодня-то он хоть трезвый?

– Как, трезвый? – ужаснулась Клавдия Ивановна. Быстро соскочила с постели и стала искать халат.

– Я ей сейчас покажу, как под окнами с кем попало сидеть. Родителям ни одной спокойной минуты, – она решительно накинула на себя халат, затем платок.

– Ты погоди, – Иван Александрович сосредоточенно прислушался. – Вроде не Колька это. Голос-то больше похож на тенорок сына Виктора Николаевича, директора нашего.

Клавдия Ивановна медленно сняла платок и подошла к окну.

– Хороший парень. И костюмчик у него приличный. Ишь, как нашу Светку забавляет. Говорун. Прямо весь ты, Ваня, в молодости. Такой веселый. И степенный.

Иван Александрович по-прежнему задумчиво прислушивался.

– Да нет. Вроде не он. Виктор Николаевич говорил, вроде отправил он сына своего к сестре в деревню. На каникулы.

– А кто же это тогда?

– Не Лешка ли со станкозавода? Видел я его как-то. Трудовая книжка размалевана как картинка. Летун и все тут. Да и завод от него уже избавиться хочет.

Клавдия Ивановна поежилась.

– Холодно что-то, – и накинула платок. – Ну, Светка, погоди, придешь домой... Ох, и дура! Разве ж можно позволять такое парню. Ну, нет, целоваться они у меня под окнами не будут.

Клавдия Ивановна отпрянула от окна и быстро направилась к двери.

– Вот ведь, старый болван, – обругал себя Иван Александрович и улыбнулся. – Светка же мне сама говорила, что познакомилась с этим... В университете на физика учиться... Да ты знаешь его мать... Недавно в наш дом переехали.

– Никак Ванда Васильевна... В исполкоме работает...

– Во, во, она самая.

Клавдия Ивановна нерешительно подошла к окну опять. Теплым взглядом посмотрела на лавочку.

– Ну, и Светка! Вся в меня... Уже и поругаться успела. А паренек симпатичный. Рубашечка модная, чистая. Аккуратный... Нашла время ругаться... Эх, молодость, молодость, сколько вас еще ошибок ждет.

Она с минуту еще смотрела в окно. Потом сбросила халат и пошла к постели.

– Как же это я забыл... – хотел было сказать в это время Иван Александрович, вспомнив что-то еще, относящееся к делу, но его уже одолел сон. И он только что-то тихонько просопел себе под нос.

А под окном буйствовал аромат сирени.

1981 г.

Расставание

Мой поезд уходил ночью. Поэтому весь вечер мы с Иолантой, моей женой, провели в хлопотах. Она собирала мне чемоданы. Положила в один необходимые вещи, теплое белье, в другой – то, что требовалось мне для дела.

Держалась Иоланта молодцом. Она-то уж знала, какие меня ждут испытания в скором будущем. Но ни одним словом, ни одним жестом она не выдала своего волнения. И только ее взгляд, заботливый и внимательный, говорил мне лучше всяких слов: «Береги себя, дорогой. Я буду ждать тебя всегда».

Когда под окном засигналило специально вызванное такси, ко мне подошел сын. В его глазах стояли слезы.

Стараясь выглядеть бодрым, я игриво растрепал ему волосы и, проглотив подступивший к горлу комок, сказал:

– Ну что, малыш. Давай прощаться. Теперь ты меня не скоро увидишь. Когда я приеду обратно, ты уже будешь большой.

Сын тоже держался изо всех сил. Едва сдерживая себя, он восхищенно посмотрел на меня и мужественно произнес:

– Отец, я хочу быть таким, как ты. Сильным, настойчивым и упорным. И никакие преграды не остановят меня на этом пути.

Я незаметно смахнул предательскую, неожиданно набежавшую скупую мужскую слезу.

– Спасибо, сынок. Обещай, что, если со мной вдруг что-то случится, то продолжишь дело, начатое мною...

– Не беспокойся, отец. Что бы ни было, я стану изобретателем. И если ты не успеешь согласовать всю документацию для подготовки производства по своему авторскому свидетельству, я продолжу это дело и буду завещать его своим детям и внукам...

– Ты – настоящий сын, – сказал я, обняв его за подрагивающие плечи. – Береги мать...

Бросив последний взгляд на родные стены, я подхватил чемоданы и побежал к ожидавшему меня такси. Чемодан с перепиской по изобретению явно перевешивал, поэтому уже на лестнице я просто взвалил его себе на плечи...

1985 г.

Поездка

Времени до отправления поезда оставалось совсем немного, когда он вошел в купе. Возле окна он увидел ее, разглядывавшую здание вокзала.

«Кажется, хорошенькая, – подумал он, забрасывая чемодан под лавку. – Приятно будет ехать».

«Интересно, мы так вдвоем и поедем?» – подумала она не то со страхом, не то с удивлением.

«Наверное, ждет, когда я начну приставать», – подумал он, чувствуя, как поезд начинает трогаться.

«В принципе, он и не итак уж плох, – подумала она, считая телеграфные столбы, пронесившиеся мимо окна вагона.

«По-моему, она чересчур самоуверенна», – подумал он, раскрывая свежий номер «Известий».

«Однако его молчание становится невыносимым», – подумала она, раскрывая толстую книжку у себя перед глазами.

«Интересно, о чем бы я мог с ней поговорить», – подумал он, снимая пиджак из-за жары в купе.

«Фи, какое хамство, даже не попросил разрешения», – подумала она, обмахиваясь платочком.

«Она может подумать, что я какой-нибудь развратник, если начну заговаривать с ней», – подумал он, чувствуя первую остановку поезда.

«Недотепа, ему только на лошадях и ездить в одиночку», – подумала она, чувствуя, как поезд снова трогается.

«Нет, нет и нет. У меня есть семья, и мне не стоит увлекаться, даже если я и выехал в трехдневную командировку», – подумал он, доставая нехитрый перекус из чемодана.

«Неужели я так некрасива? Ему уже хочется есть, лишь бы не обращать на меня внимания», – подумала она, раскрывая сумочку с бутербродами.

«Может быть, я поступаю не совсем правильно, что не предлагаю ей разделить со мной трапезу, но я хочу, очень хочу есть», – подумал он, собирая оставшиеся хлебные крошки в рот.

«Такой никогда не пригласит в ресторан поужинать вдвоем. Супруга давно отбила ему охоту транжирить деньги на собственный желудок», – подумала она, внимательно разглядывая сосиску и забрасывая ее в рот.

«Скорее бы уже приехать и окунуться в дела», – подумал он, позевывая и почесывая грудь.

«Скорее бы приехать. И как следует отдохнуть», – подумала она, доставая помаду.

«Все-таки хорошо с кем-то ехать в купе, – подумал он, устраиваясь на верхней полке и засыпая. – Есть о чем думать».

1985 г.

Кукла с дефектом

Честно говоря, я сторонник многодетной семьи. Но, когда у нас появился первый ребенок, Иоланта, моя жена, без обиняков заявила мне:

– Это был первый и последний случай в моей жизни. Заруби это себе на носу.

И надо сказать, она долго держалась этой стратегической линии, пока нашему малышу не исполнилось пять лет. В этот день мы все вместе отправились в магазин игрушек, чтобы выбрать ребенку подарок по его вкусу и желанию. Это у нас такая уже годами сложившаяся традиция.

Обычно, когда мы приходили в этот магазин, наш сын сразу же бросался сломя голову к тем витринам, на которых было выставлено что-то гремящее, стреляющее, с обилием гаек и болтов. Что-то подобное должно было произойти и в этот день. И я уже с ужасом думал о том, куда мы денем очередной вздох в нашей маленькой квартире, как, проходя к своим танкам и самолетам, наш ребенок вдруг остановился. Его внимание привлекла витрина, за которой молоденькая девушка-продавец выставяла только что полученные игрушки. Это были какие-то непонятные фигурки, чем-то напоминавшие знаменитого Чебурашку. Только, пожалуй, еще трогательнее. Голова у куклы была непропорционально большой, ручки и ножки удивительно маленькими, платье – из блеклой и невыразительной ткани, а огромные глаза-пуговицы излучали какую-то неизъяснимую детскую грусть.

Я бы и внимания не обратил на этих кукол-заморышей, которых не ясно, по какой причине пропустил отдел технического контроля фабрики игрушек. Но мой сын замер возле этих фигурок: он смотрел на кукол широко открытыми глазами, в которых очень скоро показались слезы. Нам с Иолантой стало не по себе. Мы переглянулись.

– Только этой халтуры и не хватало в нашем доме, – прошептала Иоланта.
– Нет-нет, только не эту игрушку. Надо что-то предпринимать...

Я подошел к девушке-продавцу и как можно спокойнее сказал:

– Посмотрите, что вы делаете. Что вы ставите на витрину? Ребенок слезами умывается. Как можно такой откровенный брак давать в продажу? У вас что, нормальных кукол нет?

– А я здесь причем? – грубо отозвалась девушка. – Мне сказали, я делаю. Думаете, мне приятно с ними возиться... Может, вашему мальчику меня жалко? ... И вообще, гражданин, не мешайте работать...

Я поежил и отошел. Взял ребенка за руку и попытался оттянуть его от злополучной витрины. Малыш стоял насмерть. Увести его отсюда могло только что-то сверхъестественное. Осознав беспомощность силового давления, я отступил. За дело взялась Иоланта. Она попыталась в своей обычной манере разрекламировать все, что попадало ей на глаза на этой и на соседних витринах. Но ребенок – не его папа. Уговорить его купить то, что ему совершенно не нравится, не удалось даже Иоланте. Я со злорадством смотрел на ее безуспешные попытки.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросила меня Иоланта, оставив ребенка в покое.

Я пожал плечами, уставившись на кукол-заморышей. Иоланта продолжала кипятиться.

– Вот ведь упрямый, – твердила она, – весь в своего папочку.

Малыш не отвечал. В его глазах стояли слезы, а сердце было переполнено жалостью к дефектным куклам. И хотя время шло к закрытию магазина, он совершенно не собирался уходить отсюда.

Трезво оценив критическую обстановку, я сказал Иоланте:

– У меня есть план, но, боюсь, что ты его не одобришь.

– Ах, делай все, что в твоих силах, только уведи его отсюда, от этих страшных игрушек, – махнула рукой моя жена, тяжело вздохнув

– Можешь быть спокойна, – пообещал я и наклонился к сыну.

– А что, малыш, ты бы сказал, – начал я бодрым голосом, – если бы у нас дома была такая же кукла, только живая.

Ребенок не поверил моим словам, поэтому переспросил:

– Как, живая?

– А вот так! Подробнее об этом ты можешь узнать у мамы, – ответил я и предусмотрительно отошел в сторону.

Ребенок бросился к Иоланте. Его лицо осветилось безмерной радостью.

– Мама, это правда?! – закричал он. – Пойдем быстрее домой!

Иоланта не отвечала. Она уничтожающе смотрела на меня.

...Завтра моему второму сыну исполняется тоже пять лет. Однако собираться в магазин игрушек мы начали уже сегодня. Пока малыш проводил инвентаризацию уже имевшихся у него танков, самолетов, машин, чтобы не попасть завтра впросак, Иоланта предусмотрительно позвонила в магазин и уточнила, был ли в ближайшие дни завоз бракованных игрушек. Ей ответили, что нет, не был. Напевая что-то веселое, Иоланта положила трубку и отправилась на кухню. Я же оставался абсолютно спокоен, ибо хорошо помнил, что тогда, почти шесть лет назад, куклы с дефектами завезли в магазин неожиданно, в день нашего прихода. Однако говорить Иоланте об этой своей догадке я не стал. Ведь я – сторонник многодетной семьи.

1985 г.

Взаимопонимание

Ох, и горазд же этот Сиднев сказки рассказывать. Он у нас в тресте в соседнем отделе работает. Встретил меня сегодня днем в столовой и говорит:

– Товарищ Поливинилов, я вчера в газете интереснейшую статью прочитал. Один заграничный ученый доказал, что после десяти лет совместной жизни многие супруги перестают нормально разговаривать друг с другом. И на этой почве развивается непонимание, рождаются конфликты. Вот вы, сколько уже лет женаты?

– Двенадцать, – отвечаю.

– Вот-вот, про таких, как вы, это и написано, – говорит Сиднев и улыбается.

– Ну-у, это ты загнул, – тоже улыбаюсь я. – У меня в этом плане все в порядке. Полное, так сказать, взаимопонимание.

– Тогда счастливый вы человек, – позавидовал мне Сиднев.

На этом наш обед и закончился.

Приехал я после работы домой, а у самого этот разговор из головы не выходит. Вот ведь, думаю, чего только на свете не придумают. Что муж и жена могут не разговаривать друг с другом и жить под одной крышей.

Снимаю пальто в прихожей. Ноги – в тапочки, в руки – газету, всего себя в кресло перед телевизором опускаю, а мысли сами собой бегут: «Как же это так можно – ни о чем не говорить. А для чего человеку язык дан?»

Слышу, Иоланта, моя жена, в кухне чем-то тяжелым гремит. Наконец, раздается громкий стук чашки о раковину – пора ужинать.

Встаю из кресла, иду в кухню и продолжаю мысленно спор с Сидневым. «А конфликты? Какие могут быть в семье конфликты, когда семья – это добровольный союз двух любящих сердец?»

Подхожу к столу, вижу глазунью из двух яиц и корочку черствого хлеба. Иоланта мимо меня метеором с дрелью в руках проносится. «Полки в прихожей

придильвать будет, – соображаю я, погружая хлеб в яичницу. – Давно пора, а то ведь уже второй год без толку под диваном валяются».

Вскоре из прихожей доносится звук работающей дрели, а я, вспоминая разговор в столовой, никак успокоиться не могу: «Прохвост он, этот ученый. Взялся статью писать, а данные использует непроверенные».

Закончив ужин, я прохожу к своему креслу и телевизору мимо Иоланты, с жесточением вгоняющей молотком огромный шуруп в стену. «Конечно, полного взаимопонимания добиться нелегко, – говорю я сам себе, продолжая дискуссию с воображаемым оппонентом. – Семья – это тоже достаточно сложный социальный механизм. Но на то нам и дана голова, чтобы думать, чтобы грамотно подойти к решению самых сложных вопросов».

Поздно вечером, когда я уже выключил телевизор и, слегка потягиваясь и позевывая, шел ложиться спать, Иоланта заканчивала перестановку мебели, вызванную уборкой квартиры. Я смотрю на ее хрупкую фигурку, худенькие плечи и с нахлынувшей нежностью думаю: «Да что он знает, этот умник, о современной семье? Как можно ни о чем не разговаривать со своей женой, такой милой и обаятельной, такой ласковой и все понимающей».

Под звуки включенной стиральной машины я засыпаю с мыслями о принципах гармонии семейной жизни, о путях достижения абсолютного взаимопонимания двух любящих сердец, посылая в кухню воздушный поцелуй Иоланте. Жаль, что пот застилает ей глаза, и она просто не видит моих стараний. Очень жаль...

1985 г.

Любимая

Лиза любит сидеть по вечерам у самого окна и отрешенно-потусторонним взглядом всматриваться в одинокие фигурки пешеходов, которые все более и более размываются в быстро набегающих сумерках. Иногда она отрывает взгляд от улицы и также задумчиво смотрит на Игоря, своего мужа, работающего при настольной лампе за письменным столом в другом конце комнаты. При этом взгляд ее становится необыкновенно теплым и нежным. Она любит умную голову мужа, его хорошо тренированное тело, его привычку кусать ногти, когда какой-нибудь шпindel не стыкуется с какой-нибудь втулкой. Она чувствует себя безмерно счастливой в такие необыкновенно тихие вечера.

Когда на улице становится совсем темно, Лиза поднимается, подходит к мужу и садится напротив Игоря. Словно кошка, требующая к себе хотя бы чуточку внимания и ласки, виновато заглядывает ему в глаза, потирая свои щеки о спинку стула.

– Игорь! Милый! – говорит шепотом Лиза, вся светящаяся в своем женском счастье. – Если бы ты знал, как я люблю тебя! Как мне хорошо!

Игорь, еще погруженный в мир своих мыслей, поднимает задумчивые, умные глаза и несколько секунд смотрит на Лизу. Затем, потрясенный новой оригинальной идеей, снова опускает голову и продолжает писать столь же быстро, сколь и увлеченно.

Тогда Лиза поднимается и в каком-то одной ей ведомом танце начинает кружиться по комнате, то и дело покачивая своей очаровательной головкой в такт внутри ее звучащей музыке. Однако вскоре ей надоедает и это. Она подходит к небольшому в коричневых тонах пианино и начинает играть что-то очень грустное и щемящее. Звуки мелодии ранеными птицами разлетаются по комнате, достигая Игоря. Он недовольно морщится и поднимает голову.

– Лиза, – мягко, но укоризненно говорит он. – Ты же знаешь, что мне надо работать. Очень много работать. А твоя музыка сбивает с мысли.

– Зачем? – вдруг капризно отвечает ему Лиза плаксивым голосом. – Зачем тебе надо много работать?

– Чтобы стать хорошим инженером... Ты же знаешь, какой это титанический труд.

Лиза резко обрывает музыку и снова начинает ходить по комнате.

– Но чем-нибудь мне можно заниматься? Телевизор не включай, радиоприемник не включай. Скоро запретишь включать уют.

– Ну, зачем ты так? Зачем этот откровенный конфликт? Тебе просто хочется поскандальить... – Игорь рассерженно откладывает карандаш в сторону, уже окончательно сбитый с мысли. – А оказывается, не с кем...

Лиза останавливается, словно пораженная громом, и широко открытыми глазами смотрит на Игоря, открывая в нем что-то такое, еще неведомое. Наконец, она приходит в себя и с трудом выдавливает:

– И это говоришь мне ты? Человек, которого я люблю больше своей жизни? Неужели ты это сказал, Игорь? Милый, неужели это правда?

– Лиза! Оставь этот идиотский тон! Ты же все прекрасно понимаешь... Если я не буду подрабатывать, на не на что будет жить.

– Игорь, любимый, что ты говоришь, – она, испуганная, подходит к нему и трясущейся рукой касается его губ. – Разве я тебе мешаю? Это правда?

– Лиза! Я умоляю тебя, прекрати делать из меня идиота, – он резко одергивает ее руку.

– Да, я одна во всем виновата, – Лиза отходит к окну и начинает плакать. Слезы у нее крупные. Они катятся по щекам, поблескивая в отсветах настольной лампы, и падают на пол с легким стуком.

– Только я одна виновата в том, что я так люблю тебя. Что это значит для тебя? Ты занят титаническим трудом...

– Лиза, я прошу тебя! Этот разговор глуп до дикости, – Игорь снова говорит мягким голосом. Это еще больше трогает душу Лизы, и слезы ее уже катятся маленькими ручейками, размывая все ее косметические ухищрения.

– Я знаю, ты больше не любишь меня, – произносит она трагическим голосом, от которого, кажется, разорвется сердце.

– Люблю! Люблю я тебя, Лиза! – теперь уже вскакивает Игорь и начинает быстро ходить по комнате. – Только своей, мужской любовью, понимаешь?! Ну, перестань плакать. Ну, хочешь, я тебе завтра что-нибудь куплю?

– Хо-о-о-чу! – от рыданий Лиза с трудом выговаривает слова.

– Хочешь, я завтра куплю тебе новую комбинацию. Голубую. Она так пойдет к твоим сизо-голубым глазам... Ну, перестань, я прошу тебя. Теперь ты видишь, что я люблю тебя.

Он подходит к ней и, нежно обнимая за плечи, целует ее губы, шею, руки.

– Бесконечно любимый, – вдруг пылко произносит она и со страстью отвечает ему тем же. – Не оставляй меня одну! Никогда! Слышишь! Обещай мне...

И еще долго, вот так обнявшись, они смотрят в непроходимую мглу ночи, лишь изредка нарушаемую вспышками троллейбусных линий, и молчат, ощущая такое близкое тепло друг друга.

1987 г.

Есть хочется!

Ватрушкин сидел у телевизора и тупо смотрел на светившийся экран. Хорошо откормленный тележурналист вел оптимистический репортаж из забугорного супермаркета.

– Смотри, как буржуи живут, – вяло сказал Ватрушкин жене. – Прямо самому есть захотелось.

– Не раздражай, – резко оборвала его жена. – Чтобы покупать то, что здесь показывают, надо хорошо зарабатывать.

– А я что, не работаю, – встрепенулся Ватрушкин.

– Как работаешь, так и зарабатываешь, – продолжала гнуть жесткую линию жена.

– Между прочим, я честно работаю, – уточнил Ватрушкин. – На стройке. Не кооператор какой-нибудь.

– Я твою честность на хлеб не намажу и колбасой не прикрою, – не сдавалась жена. – Шел бы, действительно, в кооператив или в малое предприятие. Телевизор сегодня не было бы стыдно смотреть.

Чувствуя приближающуюся грозу, Ватрушкин переключил телевизионную программу. Герой фильма явно «застойного» времени энергично разрывал на экране жареную курицу и жадно ел, ел, ел, регулярно прикладываясь к кружке пива.

– Что-то есть хочется, – громко сказал Ватрушкин, пощипывая себя за кончик уха.

– Смотри, не подавись слюной, – ответила жена откуда-то из кухни. – В доме все равно ничего нет съестного.

– Как это нет? – не поверил Ватрушкин. – И холодильник пустой?

– Абсолютно, – злорадно усмехнулась жена. – И дернул меня черт за тебя замуж выйти. Семью прокормить не можешь. Козел.

– А талоны у нас остались? – все еще на что-то надеясь, спросил Ватрушкин.

– На сахар, – ответила жена, входя в комнату и бросая талоны мужу.

Ватрушкин снова щелкнул переключателем телевизионных программ. Какая-то толстая тетка с трудом запихивала кусок отборного мяса в переполненную покупательскую корзинку. Глядя на это, Ватрушкин с трудом перевел дыхание.

– Чтоб ты подавилась, корова, – промычал он, взял оставленный женой талон на сахар, автоматически сунул его в рот и стал жевать. В этот момент из радиоточки донеслись позывные передачи «Школа юного кулинара».

– Я есть хочу! – крикнул Ватрушкин, выплевывая остатки талона.

– Хотеть – не вредно, – так же громко ответила ему жена. – В доме – ни копейки. Ты бы лучше халтуру какую взял домой да поработал бы вечерок. Вот бы и разжились на кусок колбасы.

– Не дави на психику. Я на работе по колено в грязи хожу, вот этими мозолями деньги зарабатываю, а тебе все мало, – завелся Ватрушкин.

– Мама правильно говорила: выходи за брокера или маклера, на худой конец – за кооператора, – заплакала жена. – А я дура – любовь, любовь. С голоду помрем скоро.

– Государство не позволит! – вдруг заявил Ватрушкин.

У жены отвисла челюсть.

– У тебя что, крыша поехала? – как-то очень участливо и озабоченно спросила она.

– Я верю в торжество наших идей! – еще громче сказал Ватрушкин.

– Господи, да ты свихнулся! – испугалась жена, быстро подошла к телевизору и выключила его.

– Если б только я, – ответил Ватрушкин и раскатисто захохотал. – Весь мир на жратве свихнулся, а мы только маленькие его песчинки...

Жена Ватрушкина продолжала плакать.

1991 г.

Возвращение

То, что начал интенсивно толстеть, первой заметила моя жена Иоланта. Как-то вечером, занимаясь по своему обыкновению уборкой квартиры, она мне так прямо и сказала:

– Дорогой, хватит целыми выходными днями валяться на диване. Посмотри, он уже принимает какую-то ужасно уродливую форму твоего живота. Вмятина с каждым месяцем становится все глубже и глубже, а ты – все неподъемнее и неподъемнее. Я уже не говорю о том, какие чувства такой тестообразный толстяк может вызывать в красивой женщине.

Внимательно посмотрев на жену, я понял, что последние слова она сказала о себе, а также почувствовал, что, действительно, вызываю у нее своим спокойным, горизонтально-отрешенным и мирно расположенным телом ощущение, среднее между отвращением и омерзением. Не очень приятное, скажу я вам, открытие, тем более в тот момент, когда по кабельному телевидению крутят что-то очень уж по-французски фривольное и раскованное. Иоланта, между тем, не унималась:

– Кабан, твоя туша скоро окончательно продавит наш бедный диван!

Сладко зевнув, потянувшись на своем любимом диване и отведя взгляд от светящегося в углу комнаты экрана телевизора, я нежно спросил:

– Бесконечно любимая, что ты предлагаешь?

– Выгляни в окно, – ответила жена. – Посмотри, какие стройные и подтянутые мужчины бегают рысцой по утрам в нашем микрорайоне. По вечерам плавают в бассейне. По воскресеньям ходят в походы выходного дня.

– Чепуха! Реклама! – лениво сообщил я, переворачиваясь на другой бочок. – Это только депутатам надо заботиться о своем внешнем виде. У них ведь выборы на носу. А мне голоса избирателей ни к чему.

– Ах, так! – неожиданно рассвирепела Иоланта. – Получай же!

Грозной и прекрасной амазонкой она с трубой включенного пылесоса в руках подлетела к телевизору и ... выключила его.

– Ты... Ты в своем уме? – вскричал я, понимая весь трагизм случившегося. – Ты же срываешь всю культурную программу сегодняшнего вечера.

– Больше телевизор по вечерам смотреть не будешь! – в каком-то истеричном исступлении ответила моя жена, явно ожидая решительные действия с моей стороны. Поэтому она предусмотрительно выставила перед собой свистящий кусок пылесосной трубы.

Конечно, я не ожидал такого драматического поворота событий. Посягнуть на святое! Да как она могла! Гнев бушевал во мне, но я решительно взял себя в руки.

Не скрою, мне было безумно тяжело подниматься с такого уютного, мягкого и теплого лежбища, но в тот же вечер я разыскал в шкафу свои вещи – спортивный костюм, кроссовки, плавки. Словом, весь джентльменский набор мужчины, который поставил перед собой в жизни великую цель. И уже на следующее утро я вышел на тропу здоровья и физического совершенства.

Для тех, кто никогда не совершал подобных поступков и, скорее всего, уже не совершит, могу сообщить, что по утрам в микрорайонах рысцой носятся не только мужчины, но и прекрасная половина человечества. Причем, в таких облегающих фигуру спортивных костюмчиках, что я даже мысленно пожал руку Иоланте: если бы не она, я бы никогда не увидел всего этого великолепия.

Через пару дней во время очередного утреннего забега мы уже обсуждали с Кристиной, моей новой знакомой, живущей в соседнем доме, возможность совместного вечернего заплыва в бассейне, который у нас, кстати сказать, находится через дорогу.

– А вы научите меня плавать? – игриво заглядывая мне в глаза, спросила на бегу Кристина.

– Инструктор по плаванию – мое подлинное призвание, – ответил я, представляя свою знакомую в купальнике. Нет, лучше не надо, это сразу сбивает дыхание.

Должен признать, что в бассейны действительно приходят не только те, кто может проплыть стометровку баттерфляем за пару минут. Плавать, как правило, не умеют девушки в самых откровенных купальниках. Да, что делать, приходится их настойчиво учить. Кстати, за пару месяцев я научил многих: Илону, само собой Кристину, Леночку, Верунчика, Машеньку. Да разве всех упомянешь! Долго пришлось повозиться с Сашенькой. Зато как она поплыла на озере, куда мы выбрались с ней вдвоем в поход выходного дня. Это надо было видеть: закат, зеркальная гладь воды, небольшой костерчик на берегу, манящий запах шашлыка и Сашенька, уверенно осваивающая брасс в экологически чистой окружающей среде. Конечно, я был рядом, чтобы она надежно закрепила обретенные навыки этого непростого способа плавания.

Я вам прямо скажу: полгода я даже не подходил к телевизору и уж тем более к дивану. Как я благодарен своей жене, что она просто заставила меня стать другим человеком.

Сначала это заметили на работе, куда я стал приходить уверенный в себе, помолодевший, энергичный и целеустремленный. Какой живот? Какая старость? Вы, о чем? Жизнь прекрасна, удивительна и не так уж коротка, если не терять времени зря.

А сегодня происходящие во мне изменения заметила и Иоланта.

– Куда это ты собираешься, дорогой? – спросила она, глядя на то, как я перед зеркалом аккуратно завязываю модный галстук. На фоне белоснежной рубашки он смотрится неотразимо.

– Как это куда? – даже оскорбился я, оглядывая свою стройную фигуру в элегантном костюме. – Разве ты не помнишь, что в нашей группе здоровья сегодня занятия на тренажерах, потом – бассейн, массаж, сауна, вечерний моцион. Кстати, куда ты забросила мои запонки?

– Но зачем тебе такой огромный букет цветов? – не унималась Иоланта.

– У нас ожидается заплыв на время. Надо же что-то вручить победителю.

Я уже пошел к двери, когда моя амазонка снова спросила меня:

– Но почему ты надушился французской туалетной водой?

– Дорогая, в нашем бассейне ужасно воняет хлоркой. Я очень плохо переношу этот запах, – говоря это, я стал открывать дверь. Но в этот момент рука Иоланты легла на мое плечо.

– Милый, а ты не мог бы сегодня остаться дома?

Честное слово, если бы в этот момент к нам в квартиру влетела шаровая молния, я бы удивился гораздо меньше.

– Это невозможно, любимая, – ответил я проникновенным голосом, глядя в глаза жене. – Большая цель в жизни требует больших жертв. Ты ведь это понимаешь гораздо лучше меня. И не мне тебе это объяснять.

– Мы могли бы вместе посмотреть телевизор, – предложила Иоланта. – И зачем у нас без дела стоит этот диван?

Не могу достоверно сказать, блеснули в глазах моей жены в этот миг слезы или нет, но то, что голос ее дрогнул, – точно.

Конечно, я остался дома. Ведь по натуре я – человек, очень семейный. А в семье третьего не дано: или стройная мужская фигура и вечная подозрительность жены или вмятина на диване, точно отвечающая конфигурации вашего живота, и полная семейная идиллия. Вот, такая, как в сегодняшний вечер.

Иоланта нежно водит трубкой пылесоса по коврам и время от времени смотрит на меня своими фантастически влюбленными глазами. По кабельному телевидению показывают какую-то пошленькую эротику. А я, блаженно закрыв глаза, снова привыкаю к своему замечательному дивану. Надеюсь, меня на нем больше никто не потревожит.

1994 г.

Надпись на сосне

Как-то воскресным утром Иоланта, моя жена, встала с первыми лучами восходящего солнца. И объявила нам с сыном бодрым голосом:

– Этот выходной день мы проведем так, как я посчитаю нужным. Хватит сидеть в четырех стенах и дышать отработанным воздухом большого города. Нас ждут лес, река, хорошее настроение. Нас ждет удивительная встреча с живой природой, о которой наш сын имеет самое приблизительное представление. Пора уже заняться его экологическим воспитанием...

Честно говоря, мы просто обалдели от этих слов, так как с вечера Иоланта грозила нам стиркой и генеральной уборкой всей квартиры. Вообще, это в ее характере: не только что-то сказать, но и что-то сделать. Редкое качество, скажу я вам. Как бы там ни было, но спустя полтора часа мы уже сидели втроем в электричке, увозившей нас от надоевшей городской суеты.

Иоланта быстро выбрала место высадки из вагона.

– Помнишь ту чудесную полянку в сосновом бору, где ты мне впервые сказал о своих чувствах, а я тебе по молодости лет опрометчиво поверила? – спросила она у меня.

– Еще бы, – зевая, ответил я. – Место, где ты меня заарканила, осталось в моей памяти навсегда. Можешь не беспокоиться.

– На вас что-то и свежий воздух не влияет, – пробурчал себе под нос наш сын, взваливая на плечи свой небольшой рюкзачок и двигаясь от железной дороги к видневшемуся недалеко лесу. – Такое впечатление, что мы из дому так и не выходили...

Сосновый бор, в который мы вскоре вошли, просто ошеломил. Огромные сосны обступили нас со всех сторон. В нос ударил дурманящий запах хвои. Очень скоро мы вышли на ту самую полянку. Однако узнал я ее с трудом.

– Как изумительно хорошо! – воскликнула Иоланта и, расправив руки в стороны, попробовала пробежать вперед, как тогда – лет десять назад, но тут же ойкнула, наступив на неровный острый край ржавой консервной банки.

– Осторожнее! – крикнул я и аккуратно, стараясь не наступить на битое стекло, щедро разбросанное чьей-то услужливой рукой на полянке, заспешил к ней на помощь. Но и это мне не помогло. Незаметно торчавшее из мха отбитое горлышко бутылки мягко вошло в подошву моих кроссовок.

– Это – не полянка, а какое-то минное поле, – услышал я голос ушедшего вперед сына. Как мне показалось, он также на что-то наступил.

– Ничего, ничего, – попыталась успокоить нас Иоланта. – Зато мы с папой вернулись в нашу молодость.

– Точнее сказать, в каменный век, – поправил ее подошедший сын, неся в руках что-то похожее на топор. У них в классе только начинали изучать историю древнего мира, так что парень знал, о чем говорил. – Все молодые деревца вот этой штукой на дрова порубили. А еще дальше вообще одни лишь головешки торчат. Я такое уже видел в учебнике. Правда, люди там нарисованы в шкурах, а все остальное – точно такое же.

Последней каплей, окончательно добившей Иоланту, стала надпись, вырезанная на стволе самой красивой сосны аршинными буквами, которую обнаружил наш сын: «Митяй и Ванятка аддыхали тут».

– Хорошо отдохнули корешки, – мечтательно вздохнул я, рассматривая этикетки, оставшиеся от разбитых бутылок. – Вот эти, действительно, взяли от леса все, что могли. И уехали отсюда довольными и счастливыми. А мы, между прочим, совершенно забыли, куда приехали. Одних бутербродов набрали. На кой они здесь?

Я посмотрел на Иоланту. Лицо ее полыхало гневом.

– Как ты можешь такое говорить? – едва ли не прокричала она. – Неужели ты не понимаешь всей низости поведения этих людей. Дорвавшихся до леса, как до помойной ямы?

На ее глазах вдруг выступили слезы.

– Конечно, понимаю, – попытался успокоить я Иоланту. – Нам тоже в школе когда-то говорили о пользе лесных насаждений. Они снег для полей

задерживают. Из них мебель делают. Но надо ли так по этому поводу расстраиваться?

– Надо, – убежденно ответила сквозь слезы Иоланта. – И надо что-то делать. Нельзя оставаться равнодушными к этой беде.

– Слушай, ну, чего ты разошлась? – спросил я спокойным голосом, развязывая рюкзак и доставая бутерброды. – Лучше поешь и успокойся... Эти люди ведь ни у кого ничего не украли, никого не ограбили. Они просто посидели в лесу, выпили там немного, повеселились. С кем не бывает? Мы вот тоже сейчас повеселимся... Эх, жаль только, что одни бутерброды взяли. Вечно ты своей спешкой с толку собьешь...

Измерив меня уничтожающим взглядом, Иоланта обняла за плечи сына и, глядя ему в глаза, проникновенно сказала:

– Сынок, ты должен запомнить на всю жизнь то, что забывают очень многие: разрушая окружающую нас природу, мы разрушаем самих себя. И, если мы не достучимся до своих сердец, до своего разума этой простой истиной, то грош нам всем цена...

Покончив со вторым бутербродом, я вдруг почувствовал на себе взгляд сына. Он смотрел на меня глазами Иоланты. Этого мне только не хватало. Я быстро сообразил: надо что-то делать, иначе вся эта поездка обернется для меня одним – потерей авторитета отца. Поэтому не долго думая, достал из рюкзака перочинный нож и, подходя к той же сосне, сказал Иоланте:

– Словами тут не поможешь, а тем более слезами. За экологию надо бороться, пропагандировать делами. Понимаешь? Делами!

Что-то вроде уважения мелькнуло в этот момент в глазах моей жены. Но я уже был занят делом. Через несколько минут немного ниже уже имевшейся надписи на сосне появилась новая, в которую я постарался вложить весь жар своей души: «Товарищи! Лес – наше богатство! Берегите его!»

– Пусть теперь попробуют здесь мусор разводить! – удовлетворенно произнес я, стряхивая с себя кусочки влажной коры и любуясь плодами своего труда. Хорошо получились буквы. Большие. Их издали каждый увидит.

В ожидании похвалы я повернулся к Иоланте.

Схватив за руку сына, она, не разбирая дороги, бежала к железнодорожной станции...

1994 г.

Сиамские близнецы

Это было какое-то безумие! Я чувствовал ее дыхание каждой клеточкой своего тела. В ней все было грациозно, ажурно, иллюзорно, умопомрачительно, фантастично, даже фантаσμαгорично.

У меня пела душа. Ах, как все неповторимо замечательно! И замечательно неповторимо! Она была достойна экстаза с упоением! И упоения с экстазом!

Я попытался получше ее рассмотреть. Нимфа. Наяда. Инопланетянка. Конфетка. Звездочка. Луч света. Проектор вакханалии. Облако волос. Озеро глаз. Безбрежная река нежности. Искрящийся фонтан ласки. Воплощение порочной невинности в невинной порочности. Ангел, одаривший человечество своим появлением. Мечта, сбывающаяся раз в столетие. Фантазия, отлившая в природе такой изысканный образ неземного чувства.

Ее взгляд излучал жажду свободы и действий. В нем слились все краски межгалактического сияния. Она была прекрасным видением, которое в любое мгновение могло растаять в межзвездном пространстве.

Неужели мы когда-нибудь расстанемся? Этот простой вопрос пронзил меня своей обыденной безысходностью. Уж лучше забраться в петлю и в ней обрести спокойствие и уравновешенность, чем с гнетущим ощущением бесконечной тревоги дожидаться неизбежного расставания.

Струны моей души пели грустную песню, но светлую серенаду, посвященную нашей удивительной, неожиданной и неповторимой встрече. Я боялся даже пошевелиться, чтобы не нарушить чарующей гармонии наших тел и волшебной магии аромата ее ауры. Я мог бы написать элегию ее гибкому стану. Ах, как жаль, что я не был свободен! Мы бы устроили подлинное пиршество раскрепощенной плоти. Но обстоятельства были выше нас!

– Остановка «Площадь Победы»! – послышался слегка механический голос. – Следующая ...

Я попытался обозначить хотя бы крохотное движение к открывшейся двери вагона. Бесполезно! Массив распаренных человеческих тел монолитной плитой прижал нас к противоположной стороне подземки, блокируя даже малейшую попытку вырваться из этого неожиданного плена, превратившего нас в некое подобие сиамских близнецов.

– Эй, товарищ, будете выходить? – нежно прошептала мне в ухо запрессованная в мою диафрагму девушка весенних грез.

– Я не могу этого сделать по двум причинам, – не менее нежно ответил я. – Во-первых, вы так потрясающе близки, что у меня уже останавливается дыхание. Во-вторых, внешние обстоятельства не позволяют мне пропустить вас к выходу первой.

– Я вас очень прошу, пожалуйста, мне надо выходить, – снова тихонечко попросила меня «сиамская» половина.

– Замечательная моя, можно подумать, что я вас здесь специально задерживаю, – попытался оправдаться я, но через секунду получил такой осязаемый удар коленкой в традиционно слабое место пассажиров метро мужского пола, что мне не показалось мало.

– А ну, вываливай отсюда, старый козел! – прохрипела вдруг прелестная незнакомка и, используя мое совершенно беспомощное и изогнувшееся от боли туловище в качестве тарана, в доли мгновения сделала пробоину в трюме окружавшей нас людской массы.

– Жрать меньше надо! Тогда и места другим будет больше! – несло из вагона, когда мы едва ли не кубарем вывалились на платформу станции метро.

Когда я открыл глаза, она стремительной ланью уже неслась к эскалатору.

– За козла ответишь! – только и смог прошептать я ей вслед.

Через мгновение мы оба растворились в бурном потоке горожан, несущихся к новым встречам и расставаниям, обретениям и потерям, радостям и разочарованиям.

1999 г.

**More
Books!**

yes
I want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн - в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов!
Мы используем экологически безопасную технологию "Печать-на-Заказ".

Покупайте Ваши книги на
www.morebooks.de

Buy your books fast and straightforward online - at one of the world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.morebooks.de

OmniScriptum Marketing DEU GmbH
Bahnhofstr. 28
D - 66111 Saarbrücken
Telefax: +49 681 93 81 567-9

info@omniscrptum.com
www.omniscrptum.com

OMNIScriptum

